

ΦΕ
KYY - M

От составителя

Мозаика судеб

БИОФАКОВЦЕВ
МГУ 1930-1960
годов поступления

Том I

1930–1950-е годы

Под общей редакцией профессора М.В.Гусева

Товарищество научных изданий КМК
Москва • 2007

Ястребцова Нина Леонидовна

Нам не было и девятнадцати или "ЭХО ПРОШЕДШЕЙ ВОЙНЫ..."

Начало войны застало меня на биостанции под Звенигородом, где часть нашего I курса биологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова проходила практику по зоологии беспозвоночных, изучая население водоемов. В яркий солнечный воскресный день, когда занятий не было, нас, студентов, почему-то попросили собраться перед обедом для какого-то сообщения на террасе дома, в котором мы жили на берегу Москвы-реки на так называемой нижней даче. Тогда мы подумали, что нас будут ругать за то, что мы вовремя не вернули стаканы нашему доброму повару дяде Саше, который щедро раздавал после обеда "лишние" компоты. Вот так со смехом после рейда по всем тумбочкам в поисках пустых стаканов мы высыпали на террасу, на которой обычно собирались по вечерам, наблюдая за закатом над рекой, пели хором песни и танцевали под луну. Там нас встретил без обычной своей улыбки наш преподаватель, называвший себя шуточно "настоятелем женского монастыря", Николай Максимович Киналев, от которого во вдруг установившейся тишине мы услышали страшное сообщение, что сегодня утром началась война с Германией, о чем в 12 часов дня по радио сообщил В.М.Молотов.

Это было 22 июня 1941 года.

Ошарашенные этим известием, все тут же хотели броситься в Москву, т.к. у всех там были папы, мамы, братья, но заведующий биостанцией отдал строгое распоряжение — никого не отпускать. На следующий день по телефону сказали, что наших мальчиков, а тогда их на биофаке было очень мало, в нашей смене всего 6, вместе с военнообязанными мужчинами следует отправить в Москву, а нас, девочек, — человек 50 — оставить до особого распоряжения. Информации было мало, дозвониться до Москвы оказалось невозможным: все время линия была занята.

Уже на следующий день, 23 июня, в газете "Правда", а 24 в газете "Известия" мы прочли Указ Верховного Совета Союза ССР от 22 июня 1941 г. о введении в Москве и Московской области военного положения.

Еще через 2—3 дня по местному телефону из совхоза нас предупредили о полученном указании, что в нашем районе могут быть сброшены немецкие парашютисты-диверсанты, поэтому надо быть бдительными (как выяснилось потом, уже в Москве, оказывается, было официальное сообщение, что с началом войны фашистская Германия забросила к нам в прифронтовую зону и в тыл шпионов-диверсантов).

Нам было приказано по одному не выходить, т.к. дача стояла в лесу, и организовать круглосуточное дежурство по 2 человека. Даже в стоящем в стороне "удобство" мы должны были идти только вдвоем, т.к. поодиночке нас может захватить диверсант и никто тогда не будет знать, что произошло. Нам выдали незаряженный берданку с верхней дачи от зоологов-позвоночников и проинструктировали, что в случае появления подозрительной личности в окрестностях дома нам нужно встать с двух сторон с берданкой наперевес и вести эту личность для проверки в контору совхоза, до которой было 3 километра по дороге через лес! Вот такое было представление и у нас, и у наших преподавателей, да и у местных руководителей о войне и диверсантах! Это представление подкреплялось тем, что крутом было солнце, тепло, зеленый лес, Москва-река, молодость и эта незаряженная берданка, что создавало у нас впечатление просто об участии в какой-то военной игре, которая часто проводилась тогда летом во всех пионерских лагерях.

К войне нас готовили еще в школе, в военно-патриотических кружках для всех желающих. Я как человек активный, из тех, кто "и за кружок по рисованию тоже все голосовали", помимо других кружков, музыкальной и спортивной школ, была последовательно членом всех кружков такого рода и сдавала все возможные тогда нормы на получение всех значков: ПВХО (противовоздушная и химическая оборона) I, II степени и инструктора; ГСО (готов к санитарной обороне) — тоже I и II степени и инструктора. Последнее уже давало право вести эти кружки у юных членов; Спортивный комплекс ГТО (готов к труду и обороне), а также ВС (Воршиловский стрелок) — тот и другой I степени. Значки II степени ГТО и ВС я получила уже в Университете. Занимаясь, кроме того, спортивной гимнастикой в школьной секции, я уже имела II юношеский разряд, соответствующий III женскому. На первом же курсе Университета, с увлечением занимаюсь в основном только физикой, которая проходила на физическом факультете, и систематически посещаю 3 раза в неделю гимнастическую школу МГУ, я за один 1940/1941 учебный год получила уже второй женский разряд по спортивной гимнастике, а потом и первый (!) и собиралась после летней практики уйти с биофака и переехать на физический факультет МГУ.

Таким образом, будущи поколением, которое с детства знало, что "...если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к пово-

ду готов" и что "ни пяди своей земли не отдадим", мы не могли тогда осознать, какие еще могут быть диверсанты через несколько дней после начала войны! И вообще, что вся эта война будет для нас значить: был же не затронувший жизнь всей страны локальный конфликт на Халхин-Голе в 1936 году и недолгая война с Финляндией в 1939, хотя мой родной брат был участником и того и другого, а мы спокойно продолжали учиться.

Несмотря на то, что мы жили в Звенигороде почти в информационном вакууме, ничего толком не зная кроме официальных сообщений из некоторых газет, нам стало известно от кого-то, приехавшего из Москвы, что после объявления по радио о начале войны все студенты МГУ, бывшие в это время в Москве, собрались в Коммунистической аудитории мехмата Университета на Моховой, 9. Мальчики давали обещание, что завтра же пойдут в военкоматы и попросят добровольцами на фронт, а девушки — на курсы медсестер или радисток. Также мы узнали, что в столице уже была проведена первая учебная воздушная тревога. Несмотря на это, у нас худо-бедно продолжались занятия, и мы даже получили зачеты за практику. По вечерам, собираясь все на той же террасе, мы вместо песен и танцев пытались угадать, когда может кончиться эта война, которая, конечно же, не должна быть долгой, т.к. с пионерских лет было известно, что "мы будем бить врага на его территории". У всех ломались планы на это лето, и мы пытались представить себе, можно ли будет их все-таки осуществить.

Наконец в последние числа июня нас всех вместе отправили в Москву. Сложив по дороге в поезде небольшую поэму в стихах о нашей жизни на биостанции, мы прибыли на Белорусский вокзал. Выйдя из поезда на перрон, мы его не узнали. Нас поразило резкий контраст между тем, что мы увидели, и тем, что оставалось в нашей памяти. Мы не увидели, как это было при отъезде в Звенигород, спокойных улыбающихся людей, не спеша садящихся в пригородный поезд, чтобы ехать на дачу, людей с цветами, радостно встречающих (или провожающих) поезд дальнего следования. Нас встретил перрон, забитый спешащими людьми, возвращающимися в Москву из прерванных отпусков, людьми с усталыми угрюмыми лицами, с чемоданами и узлами, с плачущими детьми. Было много беженцев из Белоруссии, сидящих на своих узлах с опустошенными лицами, рассказывающих о бомбежках, налетах, танках, стрельбе, отступающих войсках и таких ужасах, в которые мы просто не могли поверить. Как и тому известно, что бои идут под Минском — это через неделю-то!

Сама Москва тоже была другой. На улицах все тоже куда-то спешили с такими же удрученными, озабоченными лицами. Не было видно просто спокойных гуляющих людей с детьми. У военкоматов стояли очереди из мобилизованных и добровольцев с заплечными мешками. У некоторых магазинов были очереди. Мужчины

в основном брали водку, женщины — муку, соль, спички. Все признаки войны!

Вот тут-то мы, наконец, осознали всю серьезность положения. Оказалось, что Минск 29 июня был уже взят фашистскими войсками. Это подтвердилось и домашней информацией, которая черпалась не только из официальных источников — радио и газет, но и, конечно же, из разных слухов, редких переданных записок с фронта и, наконец, от раненых фронтовиков, которые появились в московских госпиталях и городских больницах.

Оказалось, что приказом от 26 июня 1941 г. было запрещено пользоваться радиоприемниками. Приемники должны были быть сланы на хранение государству, которое, кстати, очень аккуратно вернуло их в конце войны. Небольших транзисторов, которые можно было тихо в одиночестве слушать у себя под одеялом, в то время вообще еще не было. Поэтому вся радиоинформация шла по трансляции через черные репродукторы, которые оперативно были установлены как дома, так и на уличных столбах, чтобы можно было на ходу слушать сводки с фронта и, главное, объявления Юрия Левитана о начале и конце воздушной тревоги.

Такой же запрет, кроме изъятия, постиг и фотоаппараты, а их тогда у населения было не так уж много. Пользоваться ими было разрешено только официальным фоторепортерам. В противном случае нас могли заподозрить в шпионаже — съемках зданий оборонного значения или людей на фоне оборонных объектов. Поэтому, к сожалению, почти нет любительских фотоснимков военного времени. А снимки бы на память свой московский двор на улице Веснина (раньше и теперь Денежном переулке) с аэростатом заграждения на месте разрушенного футасной бомбой (80 кг) флигеля и с моим братом, который обычно дежурил во время воздушных налетов во дворе. Вот сква бы для иллюстрации!

Кстати, привычка с осторожностью фотографировать в городе довольно долго еще после окончания войны оставалась у всех на уровне подсознания. И ты спокойно относился к милиционеру, который, тоже по привычке, мог подойти к тебе и сказать: "Спрячь фотоаппарат", или даже засветить пленку.

Со временем, вероятнее всего вместе с введением в Москве орденового положения, у всех были отключены и домашние телефоны.

Было запрещено ведение дневников, поэтому при воспоминаниях о военных днях в Москве приходится пользоваться только официальными сообщениями и своей памятью, которая, конечно же, очень избирательна. Она сохраняет какие-то очень эмоциональные моменты, а иногда и просто смешные мелочи, которые, однако, все же дают возможность воссоздать общий настрой времени.

Сразу же по прибытию в Москву, выслушав дома всю свалившуюся на нас информацию и побросав вещи, все мы кинулись на биофак. Нашего преподавателя Николая Максимовича на его

кафедре мы не застали — он уже был мобилизован и "отбыл" в армию. На факультете же, воссоединив нас со второй половиной нашего курса, проходившего практику в других местах Подмосковья, нам было предписано пройти медицинскую комиссию на предмет наличия гепатита и при его отсутствии на следующий день сдать кровь как донором. Это мы и сделали на мехмате в Коммунистической аудитории.

Потом уже по приказу ректора, изданного согласно директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29.06.41 г. советским и партийным органам прифронтовых областей о "мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков", а Москва к тому времени уже считалась прифронтовым городом, нас с 3-го июля отправили в совхоз "Красная Пойма" Луговичского района Московской области для уборки урожая, т.к. почти все мужское население совхоза было мобилизовано.

Поехали на сельскохозяйственные работы все немобилизованные студенты первых трех курсов биофака, включая мальчиков-белоблетников и "маленьких" — 1923 года рождения, еще не подлежавших мобилизации. Нам предстояла заготовка овощей для Москвы и уборка сена. Ни тем, ни другим никто из нас до этого не занимался.

В Москве остались только те студенты, которые на тот момент по состоянию здоровья не могли заниматься физическим трудом. Однако и они, как и преподаватели и сотрудники МГУ, по приказу ректора МГУ № 198 от 1 июля 1941 г., изданного на основании положения Главного Управления МПВО НКВД СССР, вошли в группу самозащиты МПВО МГУ, несущую суточные дежурства на всех зданиях биологического факультета под началом декана факультета С.Д.Юдинцева и его заместителя М.А.Соколова.

Среди оставшихся в Москве были и те студентки, которые сразу же по объявлению войны пошли на курсы медсестер. Так, с нашего курса это были Ляля Плугина и Мира Файгенбаум, сразу ушедшие на фронт медсестрами или санитарками. А Маруся Кузьмина, Надя Коваленко и Туся Королькова в мае 1942 г. сдали экзамены за второй курс биофака и одновременно закончили РОККовские курсы медицинских сестер. Они получили звание сержантов медицинской службы и стали военнообязанными. Маруся и Надя ушли на фронт. Маруся работала в санитарном поезде, после окончания войны вернулась в Москву и продолжила занятия в Университете. Надя же попросилась на передовую линию фронта и погибла в 1943 г. в боях под городом Нижнедневецком Воронежской области. В этом городе еще уцелела Надя Коваленко, а в школе, расположенной на этой улице, был пионерский отряд имени Нади Коваленко и музей, где хранятся материалы, связанные с ее мирной и военной жизнью, а также стоит ее бюст. На памятнике, поставленном герою Великой Отечественной вой-

ны в г. Нижнедневецк среди других имен есть и имя нашей Нади Коваленко.

Все это было опубликовано в газете "Московский Университет" к 30-летию Победы 6 мая 1975 г. (№ 30) под заголовком "Ты одобришь мой выбор" — это цитата из письма Нади своей маме после того, как она попросилась на фронт.

Туся же Королькова по окончании курсов медсестер продолжила учебу на биофаке, была зачислена в медико-санитарную команду МГУ и находилась там всю войну на казарменном положении.

О судьбе ушедшей на фронт Миры Файгенбаум мне ничего не известно, как и о наших мальчиках, за исключением Володи Шейншвица и Курта Фабри — бывших переводчиками отделов разведки. Наш студент Валдим Донской погиб, а Вася Грузлев вернулся с войны и работал у нас в учебной части факультета. Возможно, вернулся кто-нибудь еще, но конец войны совпал с нашим окончанием Университета в мае 1945 г., и мы не знаем о них ничего. Тем более что наши однокурсники, вернувшиеся из эвакуации, тоже отставали от нас, москвичей, на 2—3 года.

По-другому в связи с войной сложилась судьба двух студенток нашего же курса Вавы Соковой и Иры Ильичевой. Дежуря в госпитале, Вава Сокова выхаживала там одного бойца после тяжелого ранения. Он служил в Брестской крепости. Война с начала войны до октября месяца, он с боями дошел до Москвы и был ранен на подступах к ней. Вава написала о нем статью в отдел фронта "Комсомольской правды". После окончания II курса, сдав очередную сессию, она обратилась в "Комсомольскую правду", где зав. отделом был известный журналист Юрий Жуков, и стала работать в этой газете в военном отделе, связанном с партизанским движением. Для сбора материала она выезжала в командировки на фронт, обходила всю Курскую дугу, была на Прохоровском поле и в Белгороде. Часто попадала под бомбежки. В эту же газету пришла работать и Ира Ильичева, которая в августе 1944 г. напечатала статью о работе нашего студенческого кружка. Статья так и называлась "Студентки". Вава Сокова после работы в "Комсомольской правде" на биофак не вернулась, а перешла на исторический факультет МГУ, который и закончила, Ира же так и осталась работать в этой газете.

А тогда, в июле 1941 г., все оставшиеся в Москве студенты первых трех курсов биофака поехали работать в совхоз (тогда еще не было термина "труدفронт").

В совхозе "Красная Пойма" Луговичского района Московской области нас тепло встретили, вдоволь накормили всем совхозным (а он был мясо-молочным) и отгелили в задние бескрайние дуга на берегу Оки в полевой стан под названием "Чурилки". Там стоял 3 строения — большой барак с нарами (насколько я помню — сплошными), где мы спали на набитых сеном мешках (нас на био-

факе предупредили, что их надо взять); наша "столовая" — большой навес над длинным дощатым столом с лавками с двух сторон, и стоящий вдалеке "деканат". Этот полевой стан был построен еще до войны для рабочих совхоза, выезжавших в луга на летние работы (все это более ярко мы отобразили в Чурилковском гимне).

Надо сказать, что относились к нам в совхозе хорошо и кормили еще по-довоенному. Давали много свежего молока, творога, сметаны, хотя результаты нашей работы поначалу были просто плачевными. Они даже близко не приближались к установленной норме, хотя мы работали честно, как звери. Ведь мы были тем поколением, одноклассники которых 1921—1922 года рождения, призванные накануне войны, приняли на себя первый удар немецко-фашистских войск по всей линии фронта начиная с Бреста. Поэтому мы не могли подвести их в тылу и не хотели, чтобы им за нас было стыдно.

Как оказалось потом, почти все это поколение было выбито в первые же дни войны. Как и наши студенты старших курсов (кроме V) и даже аспиранты (кроме последнего года обучения), когда враг подходил к Москве, они или были мобилизованы, или пошли добровольно в народное ополчение и полегли под Москвой и на подступах к ней. Именно здесь в суровые дни октября—декабря 1941 года проходила линия фронта. Как говорили потом — "под Москвой полегла вся будущая Академия наук Советского Союза..."

Сначала нас послали на прополку овощей, где мы, городские девочки, никогда не занимавшиеся обычным крестьянским трудом (ни у кого тогда дачных участков или огородов не было) целый день "выаклонку", как говорят в деревне, голыми руками выдергивали сорняки из заросшего огорода. После первого же дня работы у нас болело все — мы не могли разогнуться, ходить, садиться, вставать! Спасала только Ока: огороды были близко к берегу, и мы могли купаться после конца работы. К ободранным рукам, которые были в земле, мы прикладывали лопухи, не вспоминая ни о каких противовоспалительных прививках. Конечно же, о выполнении каких-то норм и думать поначалу было нечего. Но был все же один громадный плюс — крутым были самые что ни на есть живые витамины — морковь, свекла, турнепс, огурцы.

После окончания прополки овощей нас наконец перевели на сено, о котором мы мечтали, думая, что там нам будет легче. С утра до вечера мы ворошили скошенную косилкой траву, лежащую по полю рядами. Когда после многократного переворачивания трава высыхала, мы собирали сено в маленькие копелки, которые потом свозили в большие стога. Как и на прополке, никто, конечно, сначала с нормой не справлялся. Норма на одного человека, насколько я помню, была 1 гектар. Ее в первые дни мы не могли выполнить даже всем звеном. Как мы потом споем в гимне —

"Мы сработали за смену всем звеном лишь четверть га!" и "Результаты были жалки — по рублю и двадцать пята!" Вот только не забывай гимна, вспоминаешь, что за работу в совхозе, помимо сохраненной стипендии, нам даже платили!

Вставали мы в 6 часов. Завтрак в "Чурилках", грабли на плечо и в поле! Обед — в поле, его к каждому звену подвозили с "Поймы", наливая в наши котелки, которые мы брали с собой. Кончал работу с заходом солнца. После работы, по дороге "домой" в "Чурилки", по очереди, чтобы не упустить ужин, бежали купаться. Вода — мечта! Вот тут, наконец, говоря современным языком, наступал "кайф".

Погода была прекрасная — июль, жара, только иногда короткий дождик, а мы, сбросив с себя все возможное, — весь день на солнце... И обгорели с привычки по-страшному! Благо, что с "Поймы" возили сметану — все ходили обмазанные! Зато потом, пройдя этот период с волдырями, мы все загорели как никогда! Не будешь же ты в обычные годы жариться с восхода до заката почти совсем без ничего под палящим солнцем. А тут дельца-то некуда! Пока не сложили маленькие копелки, от которых был хоть кусочек тени, то и обед под палящим солнцем! И уйти нельзя. Это была наша РАБОТА. Наш ФРОНТ!

Что касается меня, то до этого лета я, как пепельная блондинка, загорала только слабо красноватым цветом. А тут — шоколадный загар! Темнее моих коричневых носков! Ну разве в 19 лет можно его не продемонстрировать! И вот, приехав в Москву, я надела чисто белое полотняное платье совсем без рукавов и, хотя в тот день для такого платья было достаточно прохладно, послала на троллейбусе № 2 по Арбату в Университет. И вдруг при входе в троллейбус я услышала реплику какой-то женщины в свой адрес: "Тут война идет, а она по курортам разлезается!" Ну не станешь же оправдываться и объяснять, где ты была и как этот загар заработала! Это уже позже появился термин "трудовой фронт".

И еще один момент, который был для нас тяжел, но, к счастью, временный. Работая все время на солнце, мы ужасно хотели пить. Чтобы напоить жаждущих, все время с "Поймы" приезжал волозов, которым тогда была студентка биофака на год старше нас — Гая Лебедева. Она подвезла к каждой бригаде, разбросанной по бескрайнему полю, привозя бочку с водой из совхоза за 5 км. В первые дни мы выпивали ужасное количество. Как я помню — от 10 до 14 пол-литровых кружек в день! И так все. Воды, конечно, не хватало.

А жажда была такая невероятная, что иногда пили воду прямо из небольших лужиц, оставшихся в колесках после прошедших коротких дождей. При этом, только что пропая практику по зоологии беспозвоночных, мы со смехом по латини перечисляли все возможные виды амёб, инфузур и других водяных обитателей,

которых в этот момент мы заглатывали. Водовоз не успевал оборачиваться по несколько раз в совхоз и обратно: все-таки 5 км! И тогда нам стали возить воду прямо из Оки! И ничего! Никаких болезней!

Со временем мы понемногу привыкли, и наш водно-солевой обмен изменился так, что, когда к нам подлезжал водовоз, мы пили воду понемножку, просто из приличия, чтобы его не обидеть, т.к. расстояние между бригадами со временем увеличилось, поскольку мы стали выполнять свою, довольно большую, норму. Такая перестройка водно-солевого обмена осталась у меня на всю жизнь, и уже после войны в туристских походах, когда все кругом изнемогало от жажды, мне было ничем! Хоть бы хны!

В конце периода работы в совхозе у нас даже появилось ощущение, что вот так всем вместе, делая какое-то общее дело, гораздо интереснее проводить лето, чем с мамами на даче. И вот, когда кончится война, хорошо бы поехать вместе куда-нибудь подработать, а не сидеть на маминной шее на одну стипендию.

И никто тогда не мог предположить, что война не кончится еще 4 года и что Вся наша студенческая жизнь пройдет под знаком войны!

Возможно, этот опыт привлечения молодых сил студентов в период Отечественной войны вылился в дальнейшем в организацию добровольных студенческих стройотрядов в период летних каникул, участвовавших в восстановлении страны, великих новостроек и освоении целинных земель.

Когда мы ехали в совхоз, мы уже знали, что еще в конце июня и в первых числах июля в Москве проводились учебные тревоги. А 22 июля 1941 г., ровно через месяц после начала войны, начались настоящие воздушные налеты вражеских самолетов на Москву и появились первые разрушения. В частности, большая футасная бомба попала в здание МГУ на Моховой, 9, где раньше располагался мехмат, а в настоящее время — факультет журналистики, перед которым стоял памятник М.В.Ломоносову. Был разрушен памятник и часть окружающих зданий, в частности то, где находился архив Университета. Погибли все школьные аттестаты студентов и почти все приказы ректора МГУ, отданные в первые дни войны. Футаска попала и в театр им. Е.Вахтангова, разрушив часть зданий и взрывной волной перенесла артиста театра М.Горюнова, дежурившего во время налета, на соседнее здание. Обо всем этом рассказали члены нашей бригады Ксения Зворыкина и Аня Гродская, съездившие на день в Москву, когда мы выполняли за них их норму.

Однако в целом, если учесть количество самолетов, направлявшихся к Москве, можно сказать, что разрушений было немного, т.к. фашистские самолеты сбивали или их поворачивали обратно уже на дальних подступах к Москве. Противовоздушная оборона Москвы была хорошей.

Несмотря на трудную для нас работу и тревожную информацию о ходе военных действий, жили мы в совхозе дружно и без уныния, как будто продолжалась наша летняя практика — ведь кругом были все свои. Быстро привыкнув к новым условиям и войдя в рабочий ритм, по вечерам мы иногда опять пели песни: “Лучинушку”, “Что стоишь, качаясь, тонкая рябина”, “Черного ворона”, после которого нас почему-то всегда переводили на другой участок поля, и более военные — “Я на подвиг тебя провожала” и “Ой вы кони, вы кони стальные, боевые друзья трактора”.

С нами в совхоз, как наблюдатели, освобождающие от дежурств в бараче наши молодые силы для их использования в работе, поехали 3 мамы — Софы Севастопольской, Тамары Евлахиной (потом Путининой) и моя. Помню, как однажды я после работы отправилась купаться, уверенная, что ужин мне мама возьмет. Когда пришла “домой”, оказалось, что мама мне на ужин ничего кроме хлеба не взяла. “Почему?” — спросила я. — “Была только пшеничная каша”, — ответила мама. — “Ну и что?” — говорю я. — “Она была даже без жиров”, — сказала мама. — “Ну и что же?” — уже почти кричу я, голодная как волк, особенно после купания... — “Но ведь ты же ее не любишь!!!” — отвечает мама, не проработавшая весь день в поле. Пришлось мне довольствоваться только чаем с хлебом, которого тогда давали еще много, и дожидаться завтрака!

Вот так, постепенно, мы отвыкали от довоенных привычек...

Всю информацию о ходе войны и о жизни нашей родной Москвы мы получали от наших бригадиров, приезжавших из совхоза, от нашего партгара Наташи, которая также жила в совхозе, но приезжала редко, и от летчиков, иногда приходящих к нам в “цветник”. Оказалось, что рядом с нами был расположен небольшой аэродром, который был замаскирован, но проявил свою активность с началом налетов на Москву, которые, как я уже сказала, начались 22 июля. Они летали на перехват самолетов противника на подступах к Москве. Летчики говорили, что к Москве прорывается лишь небольшая часть вражеских самолетов, т.к. наши сбивали их еще на очень дальних подступах к столице.

Из совхоза, да и от летчиков у нас была строгая инструкция — огонь по вечерам не зажигать, в белом не ходить, т.к. в темноте, хотя ночи и были короткими, сверху это могло быть видно.

Налеты фашистской авиации были через день в одно и то же время!

Несмотря на все трудности, с которыми мы столкнулись во время работы в совхозе, в целом впечатление об этом отрезке нашей жизни у нас осталось хорошее. Мы были молода, и вопреки всей нашей усталости и трагической ситуации в стране, молодость и юмор брали свое.

Выполнив порученное нам задание — собрав все высушенное нами сено в большие стога (это уже с помощью наших бригади-

ров), — мы, гордые и веселые, сфотографировались на фоне одного из них (снял местный штатный фотограф) и, наконец, отправились в Москву, предварительно коллективно сочинив “Чурилковский гимн” — попури на разные популярные в то время песенные мелодии.

Этот гимн, как и написанную в 1942 году “Песню о Москве” на слова М. Лисянского, ставшую теперь гимном Москвы, мы обязательно поем с тех пор каждый год, когда собираемся вместе на мои именины 27 января!

После возвращения из совхоза мы опять увидели изменившуюся Москву. В связи с начавшимися налетами вражеской авиации на Москву, все окна в домах были заклеены крест-накрест белыми полосами из бумаги или материи, предохранявшими стекла от вылета при ударе взрывной волны. Многие здания были так замаскированы, что лишь с трудом удавалось их прежний мирный облик. Встречались и разрушенные здания, но их было относительно мало. Крутом на улицах было много военных, чего еще не было при нашем возвращении из Звенигорода, и даже перенесших ранение. На стенах домов и заборах появились надписи “Бомбоубежище” и стрелки, указывающие направление, в котором нужно бежать.

По вечерам над городом поднималось в воздух много аэростатов заграждения, которые можно было встретить и днем на улицах, когда их перевозили с места на место несколько девушек, державшихся за свисавшие с боков веревки. По ночам все окна были зашторены светонепроницаемой материей или плотной синей бумагой и нужно было очень следить, чтобы по бокам не проникал из домов свет.

Ближе к сентябрю налеты вражеской авиации участились. Иногда в течение дня можно было не один раз слышать громкий голос Юрия Левитана: “Граждане, воздушная тревога!” — фразу, которую он повторял трижды, — и вой сирен. После этого доносился приближающийся протинный звук немецких самолетов с какими-то завываниями — ууу-ууу-ууу. У наших самолетов звук был равномерным, без всяких подвываний. Начинали бить зенитки, а в сумерках и ночью появлялись лучи мощных прожекторов, которые обшаривали небо по направлению звука и ловили вражеский самолет в перекрестье, чтобы сделать для зениток цель видимой.

Потом постепенно все удалялось, и опять звучал родной голос Левитана: “Угроза воздушного нападения миновала. Отбой!” И тоже несколько раз. (Кстати в Ленинграде был какой-то другой текст объявления и прекращения воздушной тревоги!)

На факультете нас сразу же включили в противопожарную команду МПВО МГУ, освободив оттуда некоторых преподавателей и сотрудников. Через день мы должны были находиться на казарменном положении, оставаясь в день дежурства на ночь, т.е. сутки мы не могли отлучаться из зданий Университета, чтобы в момент

воздушной тревоги сразу же быть на посту. С этой целью у каждого “бойца МПВО” было свое место на одной из кафедр тех зданий, на чердаке и крыше которого находились дежурки. Там он мог спать после отбоя воздушной тревоги. Многие располагались в Зоологическом музее на ул. Герцена, д. 6 в так называемой “пожарке”, другая часть в Ботаническом корпусе, а некоторые из ботаников под руководством Д.А. Транковского почему-то на физфаке.

Хорошо помню, что мой пост был на крыше и чердаке над читальным залом МГУ на Моховой, 11. Окно было под куполом и выходило прямо на Манежную площадь и Кремль. Вокруг Кремля было много зениток, и можно было слышать знон металлических осколков по крыше при разрывах зенитных снарядов. Несмотря на это, поначалу мы легкомысленно выходили на крышу. А вот где было мое место для отдыха — я точно не могла вспомнить. Только лет 10 назад, на нашем очередном традиционном сборище, Вава Сокова при воспоминаниях о войне вдруг сказала к моему удивлению, что это было ЕЕ ОКНО! Я не сразу вспомнила, где я спала после отбоя. Но что это было МОЕ ОКНО, я помнила абсолютно точно. После дальнейших воспоминаний выяснилось, что мы обе были правы, т.к. дежурили в разных сменах. Она — в той, которая дежурила, когда бомба упала на Университет, а я на следующий день.

Их бригада имела место для сна на кафедре антропологии, находящейся в соседнем здании, и она все время очень была, не упала ли на нее ночью стоявший там в музее скелет неандертальца. Вероятно, мое место тоже было там, т.к. я хорошо помню одну сцену, которая произошла при отъезде Университета. Войдя в одну из комнат кафедры антропологии, я увидела нашего преподавателя анатомии, очень нравившегося всем студентам, — доцента кафедры Максима Григорьевича Левина в безущей позе, когда ноги уже вынесли его в коридор, а он, держа у уха телефонную трубку на длинном шнуре, ткнувшись из комнаты, быстро в трубку кому-то говорил: “Да, да, да, полбатона, 10 рублей и я беру!” Может быть, это был его последний перед отъездом в Ашхабад телефонный разговор с кафедрой, т.к. Университет уехал 19 октября, а с 20 октября в Москве было введено осадное положение, после чего, вероятно, и были отключены все домашние телефоны. Вот иногда такие мелочи запоминаются. Наверное, это было очень сильное впечатление.

Помимо дежурств в противопожарной команде МПВО МГУ у нас была масса других обязанностей. Мы занимались проверкой светомаскировок в арбатских переулках, проверкой в домах чердаков на наличие в них противопожарных средств — багров, шипцов, ящиков с песком, лопат и т.д. Проходили инструктаж по тушению зажигательных бомб, а также по противохимической защите. Разбирали после бомбевых завалов, рыли во дворах шели для укрытия жителей от осколков, таскали мешки с песком, укладывав

их в окнах магазинов, чтобы защитить стекла от осколков и взрывной волны, ставили, уже позже, на улицах Москвы противотанковые «ежи». Всего и не перечать. Эти дела занимали все 24 часа.

Уже с первой недели войны и особенно в августе—сентябре 1941 г. с продвижением фронта на восток постепенно началась массовая эвакуация предприятий, в основном сначала оборонных, в глубокий, как тогда казалось, тыл — на Волгу и на Урал. Никто и представить себе не мог, что враг подойдет к Волге. Авиационный завод моего брата был эвакуирован в Казань. Академия наук и научные учреждения также постепенно уезжали в глубь страны. Наш Университет подлежал эвакуации в Ашхабад.

С приближением к Москве фронта в сентябре и октябре 1941 г. нас часто отправляли на строительство оборонительных рубежей на подступах к Москве (позже, когда начались занятия, снимая прямо с лекций), заменяя нас на наших постах в МПВО МГУ другими людьми, не подлежащими мобилизации. Эта работа была для нас самая трудная. Мы рыли противотанковые рвы под Можайском (деревня Семеновская) и непосредственно под Москвой (Павшино, Голицино), иногда под обстрелом фашистских самолетов. А скрыться — то от них было нелегко! Направляли нас чаще на день, а позже и на 5 и 10 дней. При этом ночевать приходилось иногда в помещенных без стекол и даже рам, которые вылетели при бомбежках. Хорошо помню ночевку в школе на полу, без всяких там одеял, когда грелись только тесно прижавшись друг к другу. Отдыхать ведь надо было. Сначала не было рукавиц, и все ладони были в волдырях и зелье.

Кроме того, над нами летели самолеты и на бреющем полете забрасывали нас листовками с призывами прекратить сопротивление и сдаваться. Помню содержание одной из них: на одной стороне сын Сталина Яков среди немцев и призыв сдаваться, на другой — приглашение и пропуск в столовую. Прочитав, мы со злостью закидывали их тут же комьями земли, которую копали. И не только потому, что была строгая инструкция не брать с собой листовок. Никто из нас даже не подумал тогда взять листовку с собой просто как документ истории.

1 сентября 1941 г., несмотря на тяжелое положение на фронте, как обычно начались занятия в Университете. Однако программа была сразу же перекроена так, чтобы весь объем материала был пройден не за 5 лет, а за 4 года, хотя в результате оказалось, что мы все равно учились 5 лет. Некоторые лекции и практические занятия были очень редуцированы, но на экзаменах нужно было все равно сдавать весь курс по учебникам в полном объеме. Вот тут никаких скидок не было. Хочешь получить стипендию и стать специалистом — находи время и силы!

Наука требует жертв во все времена. А ведь все наши обязанности вне занятий оставались — и противотанковые рвы, и мешки

с песком, и установка «сжей», и госпиталь, и МПВО, и разгрузка дров для Москвы в Южном речном порту города. А когда в Москву приходила новая партия раненых — Москва же была прифронтовым городом, то все занятия отменялись и «все шли на фронт», т.е. на дежурство в госпитали.

Что мы тогда ели, уже плохо помню. Сначала резких изменений не было, но в сентябре уже были продовольственные карточки. Карточки давались по месту работы или учебы. Студенты получали служащую карточку — это ежедневно 500 г хлеба (рабочие — 600 г, иждивенцы — 400 г) и стипендию 140 руб. Почти все мы жили с мамами, а хозяйственные дела вели, как правило, они. Кроме того, каждый месяц (или квартал?) по одному из так называемых «безмясных» талонов давалась бутылка водки, которую на рынке можно было обменять на хлеб. А мы сдавали в Университетскую столовую какие-то талоны на крупу и получали жидкий пшеничный или пшеничный суп на первое, пшеничную кашу на второе — без жиров (б/ж) и чай — без сахара (б/с).

Но у нас было главное — Университет с его Традициями и Духовной пищей и Мы, которым не было и 19. И мы были вместе.

Ну и, конечно, через день дежурства на чердаке, а когда мы нечеловечно дома, то при объявлении воздушной тревоги ты должен идти с мамой в убежище, т.к. без тебя она не пойдет. «Твои дежурства — это твоя гражданская обязанность», — говорила мама, а когда ты рядом, ты вынуждена слушаться. Вот и читаешь в убежище учебник, готовясь к очередному семинару. Ох! А брат в это время дежурит во дворе, следя за тем, чтобы не было пожара. Там при попадании футбольной бомбы во флигель он был ранен, попал в лазарет и потом прожил с осколком бомбы в легком всю жизнь.

В конце сентября — начале октября Университет отправлялся в эвакуацию. Нужно было помочь собрать самое ценное оборудование и подготовить его к отправке в Ашхабад. Это тоже была наша обязанность. Уезжать собирались многие студенты и преподаватели. Каждая семья решала этот вопрос индивидуально.

Жили мы тогда в коммунальной квартире. Мой брат уже работал инженером на оборонном заводе, и в сентябре ему дали бронь для продолжения работы. Мама — школьный педагог, из-за отъезда многих детей с родителями у нее была в школе небольшая нагрузка, и, чтобы иметь рабочую карточку — 600 граммов хлеба — и дополнительные деньги, она устроилась на работу надомницей: шла для фронта ватники, махлатки, рукавицы и вообще все, что было нужно.

Рядом с нами в соседней комнате жил старший технолог того же завода, где работал мой брат. 14 или 15 октября 1941 г. поздним вечером он буквально влетел в квартиру и сказал, что только что на закрытом заседании партбюро завода (а он был членом этого бюро) сказали, что фашистские войска уже в Павшино и в Го-

дильно и что завтра немцы будут в Москве. Всему бюро был дан жесткий приказ — срочно покинуть Москву и ехать в Казань, куда половина их завода уже уехала и даже частично начала работать. Собрав к утру вещи, он с женой и трехлетним сыном уехал, запретив кому-либо и сдвигая ключи упорядому, как тогда полагалось на случай возможных пожаров.

Но он был руководителем товарищем, а мой брат — рядовым инженером и не выйти на работу было сродни дезертирству. Да и вообще, мы никогда не верили, что враг захватит Москву, ну просто не могли себе это представить. И ночью на семейном совете было решено, что мы не будем разлучаться, и если завод брата все же закроют, то вместе с ним, как сказала мама, уйдем с войсками. Мама думала, что это будет можно, как в гражданскую войну. Но это же была другая война! Уже тогда были слухи, а потом и показано в киножурналах, что делали фашисты с мирным населением в захваченных районах. Мама ждала, что насильно не отправят меня вместе с Университетом в эвакуацию в Ашхабад. Кстати, потом Университет из Ашхабада переехал на Урал в Свердловск, откуда и состоялось его возвращение в Москву весной 1943 г.

Занятия в Университете прекратились 10—11 октября, а 14 октября 1941 г. ректор МГУ был издан приказ № 323, согласно которому "все студенты первых трех курсов направляются на спецработы". В основном это были все те же оборонные работы (главным образом копка противотанковых рвов) и помощь в отправке раненых в глубокие тыловые госпитали. Все занятия в Университете прекратились окончательно, оборудование упаковано, последний эшелон ушел в Ашхабад 19 октября.

Начался очень страшный для Москвы период. Было впечатлительно, как у Толстого в "Войне и мире", что вся Москва перед приходом Наполеона струснула с места. Так и 16 октября 1941 года — вся Москва не работала. Она уезжала. На улицах было много грузчиков, набитых чемоданами, узлами и людьми. Все ехали в сторону вокзалов и уходивших из города шоссе-ных дорог. По улице Горького от Белорусского вокзала шли стада худых и мычаных коров — их перегоняли с западных направлений тоже на восток. На Арбате, по которому я ходила в Университет, летели ключья бумаги и обгоревшие бумажные листы. Народ ходил по мостовой, прямо как во время демонстрации. Троллейбусы не ходили. В продовольственном магазине на углу Афанасьевского переулка через окно без всяких талонов всем раздавали муку — бери сколько хочешь, только не врагу! Интересно, что в этом же Афанасьевском переулке находился городской ломбард, которым многие пользовались. Оказывается, все заложенные в нем золотые и серебряные вещи были заранее эвакуированы из Москвы, а после конца войны все ценности были аккуратно возвращены владельцам! Вот так была организована эвакуация!!!

С 20 октября 1941 г. в Москве были введены ордонное положение и комендантский час — с 24 часов до 6 утра без особых пропусков по улицам ходить было нельзя. Везде были военные патрули, которые могли тебя задержать. А вообще за весь период войны в любое время ходить было абсолютно безопасно. Не было никакого хулиганства. Ты могла из Университета идти одна через весь город, когда еще не было комендантского часа, и после, когда его отменили, и ни у тебя, ни у кого даже мысли не было о каком-либо хулиганстве или бандитизме. Даже в дни "великого отъезда" москвичей 12—16 октября в Москве не было ни грабегей, ни мародерства, хотя многие квартиры в связи с отъездом хозяев остались брошенными. При срочном отъезде брали с собой только самое необходимое. Бросали все, иногда раздавая что-то знакомым, соседям по коммунальным квартирам. Поэтому появилось даже выражение "досталось по эвакуации!". В основном потом все возвращалось владельцам, иногда относилось на рынок, чтобы купить хлеб.

Иногда брошенные квартиры давались временно людям из разрушенных домов. После того как в наш дом попала бомба и брат был ранен, в доме повывлетали не только стекла, но и некоторые рамы, а внутри обвалилась голландская печь и жить зимой было нельзя, нас переселили в соседний дом в квартиру, оставленную эвакуированной семьей. Вещи уехавших хозяев были перенесены в одну из комнат, которую опечатали, и мы жили в этой квартире, пока в нашем доме шел какой-то минимальный ремонт (это во время войны-то!). С собой мы взяли только самые необходимые вещи, а за остальными и за дровами (дровяные сараи были разрушены) мы ходили на старую квартиру.

И наша квартира, да и соседская, стояли просто с заколоченными окнами в проходном дворе на 1 этаже. И ничего! Все осталось целым! Сейчас даже не верится. А ведь за вещи на рынке можно было и хлеб купить... "Да, были люди в наше время..."

В этот период, когда занятий в Университете не было, я устроилась на работу надомницей в артель "Мосгитльдомсбор" от фабрики "Москвичка", где я, моя мама и еще моя однокурсница Ксения Зворыкина в свободное время шли для фронта ватники, махалаты, рукавицы, нижнее белье и т.д., где мы получали зарплату и рабочие карточки. Мы продолжали дежурить в командах ПВО МГУ.

И в это же время (занятий ведь не было) мы с Ксенией поступили на заочные курсы военных переводчиков с немецкого языка, располагавшиеся на Кутузовском проспекте (или Б.Дорогомиловской улице). Наши переводы проверяла Ксения мама, преподаватель немецкого языка. Этими переводами мы занимались или ночью на дежурствах после сигнала "отбой", или дома вместо сна, или в убежище, если был налет. Все это помню наших трудовых работ! До сих пор не понимаю, как на все это хватало сил. Ведь

питание — лишь карточки, а это только чтобы выжить! И почти никакого уныния! Мы же были все вместе! Психологически самое трудное было — дежурство в госпитале, и не помочь при операциях, а участие в болезненных перевязках, вид окровавленных бинтов и запах незаживающих гнойных ран! А главное — страдающие глаза! Чем могли — помогали. Писали и читали письма, кормили, выносили судна, давали пить и т.д. А наша Надя Зайко пела нам задуманные песни. Простили.

Но ни 15, ни 16, ни 17 октября 1941 г. и вообще никогда немцы в Москву не вошли. Они попали в Москву много позже, после трех тяжелых, долгих лет войны — в июле 1944 года, но не как победители, а в виде большой колонны военнопленных, когда проходили через всю Москву по Садовому кольцу в сопровождении наших автоматчиков. Были там и солдаты, и офицеры, чаще в изорванной одежде и плохой обуви. Одни шли опустив головы, другие смотрели по сторонам.

Мы с мамой стояли на Смоленской площади у гастронома № 2. А по бокам на тротуарах стояли наши люди. Старые и молодые, с детьми. И молчали. Глядя на них, можно было заметить — каждый из них думает свою думу, что, вероятно, такие же немцы, а может быть и эти самые, были, убивали и мучили наших людей, наших близких. Но злости уже не было. Только иногда в толпе слышались редкие нелицеприятные выкрики. Помню одного молодого немца из этой колонны — белобрысого, но отнюдь не с арийскими чертами лица, скорее с ризанскими, который шел, перевесив сапоги через плечо, улыбаясь, с любопытством оглядываясь вокруг, вероятно, радуясь, что остался жив и увидел Москву.

Но все это было потом. А тогда, в те октябрьские дни 1941 года, после срочного массового отъезда из Москвы жителей и учреждений, несмотря на еще более активную работу всех оставшихся, в Москве воцарилось какое-то тревожное ожидание. Сводки с подмосковного фронта шли самые разные. Ходило много всяких слухов, что Гитлер хочет сначала затопить метро (а многие наши знакомые пользовались метро как бомбоубежищем, причем у многих посетителей были там "свои" места), а потом вообще стереть Москву с лица земли, создав на ее месте большое озеро. Но мы знали, что правительство и Сталин в Москве и что их рабочие места на станции метро Кировская (самой глубокой). Это создавало уверенность, что Москву не сдадут. Рядом с плакатами "Родина мать зовет" появились плакаты "Не отдадим Москву" и "Отстоим Москву".

Во время некоторого спада напряжения в Москве мне удалось — ведь занятий уже не было и иногда появлялось "окно в натурках" — побывать на лекциях по физике и химии в Московском авиационном институте (МАИ), хотя он тогда был режимным и вход был по пропускам. Но студент — он и есть студент! Дело в том, что после школы я долго не могла определиться — куда

или учиться. Больше тянули технические вузы. И я посетила около 10 таких институтов, где проводился "День открытых дверей". Но и биофак, точнее, физиология, особенно после книги Поля де Крюи "Охотники за микробами" и экспериментальных исследований И.П. Павлова, о которых мы узнали в 8 классе, меня тоже манил.

Посоветовать было никому. Мой папа — профессор геологии — умер в 1936 г., когда мне было 14 лет, а мама долгие годы находилась в трансе, т.к. осталась главой семьи и на пенсию за папу ей нужно было кормить и меня и брата-студента. Она нигде не работала — ее, историка, закончившую Бестужевские высшие женские курсы в 1913 г., т.е. еще, как говорил Остап Бендер, "до эпохи исторического материализма", — в школу ни историком, ни даже учителем начальных классов тогда без испытательного срока и соответствующего аттестата не принимали. И она говорила мне: "Поступай куда хочешь, только чтобы нравилось". Отличницей я не была, аттестат был хороший — без троек.

Заявление я подала все же в МАИ на факультет оборудования самолетов, т.к. любила и математику, и всякие приборы, но сомнения в правильности выбора оставались. И вот, накануне начала приемных экзаменов, т.е. 30 июля 1940 г., я встречаю на улице учившуюся в нашей школе Лелю Вандерблейен, уже студентку II курса, которая с восторгом мне рассказывает о биофаке, собиравшись на практику в экспедицию на Алтай! В результате 31 июля, в последний день, я беру свое заявление из МАИ и успеваю до 2-х часов подать его на биофак! 1-го августа я уже пишу на биофаке сочинение (экзамены почти те же, что и в МАИ, плюс математика, которой я не боялась), а после 20 августа нахожу свою фамилию среди принятых!!! И помню свою внутреннюю нахальную реакцию — "А как же могло быть иначе?!" (Хотя конкурс в тот год был $6 \frac{1}{2}$ человека на место).

Вот и роль случая или, вернее, личности в истории моей жизни!!!

Это было 1940 год. Только что ввели платное обучение в вузах — 200 рублей за семестр (или год, не помню) — и стипендию в зависимости от полученных оценок, вступительных и за сессии после 1-го и 2-го семестров соответственно. Это было 140 руб. Для этого нужно было без троек набрать 2/3 различных оценок. Интересно, что иногда профессора, поставив много отличных отметок, спохватывались и начинали в дальнейшем снижать баллы.

Но... на первом (и втором) курсе бесконечное количество ботаник и зоологий вогнали меня в дрожь. Интересовавшая меня физиология начиналась только на III курсе, а на кружок, нас — мальшайки, которые не прослушали еще общий курс физиологии, — не пускали.

А вот физика! На физфаке, где у нас проходили занятия, да с приборами, да все задачи своими руками, да и математика серь-

езнее, чем на биофаке... Все это меня очень заинтересовало, и я твердо решила: окончив первый курс биофака, перейти на физфак!

Но... все же след от МАИ где-то в душе осталась, и когда мне представлялась возможность посетить лекции в этом институте по физике и химии, да и другие тоже, я ею воспользовалась. Это было очень хорошо, т.к. помогло мне полностью излечиться от еще оставшегося сомнения в правильности своего выбора.

Уровень чтения лекций по физике и химии этим будущим технарям, как ни странно, был несравнимо ниже, чем давался нам — биологам. Это были просто какие-то штампы и формулы, которые нужно было заучить без развития мысли, истории вопроса, к чему мы уже привыкли в Университете. Давалось только "как", но не "почему". В связи с этим вспоминается очень лаконичное высказывание нашего университетского преподавателя на практических занятиях по качественному анализу, получившего окрашенный раствор после слияния бесцветного содержимого из двух колб: "Это вам не что в кого вливаться, а и почему!"

Иногда материал в МАИ давался в объеме не большем, чем в школе. И даже математика была не более серьезной, чем то, что давали нам на биофаке. А чего там все боялись — начертательной геометрии и черчения — так это было у нас уже в нашей стандартной средней школе № 58 Киевского района Москвы, которая тогда находилась в Кривокобратском переулке напротив дома архитектора Мельникова. У нас в школе был замечательный чертежник, инженер по образованию — Лукин (имя и отчество не помню): он прекрасно обучил нас азам начертательной геометрии и дал шкуру за чертежи, которые мы тогда чертили в разных проекциях и даже цветной тушью. А математик — Георгий Афанасьевич Назаренко по прозвищу ГАФ — уже тогда разработал оценку знаний ученика по 100% шкале, которую вел в своем дневнике. Так, первая оценка "посредственно" (или "пос" — в дневнике и журнале) начиналась с 60%. Все, что ниже — "плохо" и "очень плохо". Но 80% и 85% — хотя и "пос", но, соответственно ответу, уже весомее. "Хорошо", или "хор", — 86%, 90% и 95%, а "отлично" — 96% и 100%.

Нет, сказала я себе окончательно, в МАИ не то, что у нас в Университете. И даже студенты какие-то не те, не над тем смеются, не то обсуждают. И перспективы не та — редко кто остается на преподавательской работе или исследовательской — и то больше мальчишки, а так — производство, цеха, в лучшем случае поначалу мастер цеха и высшение отношений с рабочими.

А на биофаке-то с первых дней студент — личность. Уже сразу известно, кто на какую кафедру идет, к тебе там присматриваются, интересуются (хотя на кружок и не пускают). Но можно ведь пока и в другой — генетики, например, к Аликханян. В университете для преподавателя не просто студент № 20 факультета № 5, как в МАИ, а, возможно, продолжателе твоего дела, будущий физио-

лог или гистолог. Отношения с преподавателями и профессорами очень демократичные — просто ты младший товарищ!

А пока мы продолжали заниматься все теми же оборонительными мероприятиями, причем дежурства в госпитале стали тяжелее, так как бои шли совсем близко, почти на окраинах Москвы, куда теперь ходит поезд метро (Куиневская линия), и на берегу канала в районе Химок. Уже в октябре наступили сильные морозы — за 20 градусов. Подошел ноябрь, и все ждали, будет ли отмечаться очередной шаг праздник 7 ноября и как. Сказали, что парада, конечно, не будет. В этой связи и меня, и мою бывшую "соперницу" Валу Сокову спрашивали, не видно ли из нашего окна, выходящего прямо на Манежную площадь, какой-либо подготовки или репетиции парада? Нет, мы ничего необычного не замечали. Правда, уже теперь, вспоминая это время, Валя сказала, что на каком-то дежурстве им приказали не подходить к окнам и не смотреть наружу.

И вот по радио мы услышали, что 6 ноября на станции метро Маяковская прямо на платформе состоялось торжественное заседание правительства СССР и Политбюро ЦК ВКП(б), посвященное очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции с докладом товарища Сталина. Ура! Живем значит!

А 7 ноября 1941 г., несмотря на то, что Москва почти с трех сторон была окружена врагом, все-таки состоялся ВОЕННЫЙ ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ!!! Начало парада, чтобы сбить врага, было перенесено с 10 часов, как это бывало обычно, на 8 часов утра. Погода тоже помогла — шел небольшой снег, однако достаточный для того, чтобы Москва не была открыта с воздуха для бомбежки. Все члены Политбюро и правительство были на своих местах на Маяковске и Сталин сделал доклад!!! Участие в параде принимали также сибирские дивизии, которые прямо с парада шли на фронт!

Эта радость и плохонившая всех вест как-то образом сразу же разнеслась по Москве еще до того, как появилось сообщение по радио. Я говорю "каким-то образом", потому что телефонов ведь дома ни у кого не было, сообщение по радио из соображений полной безопасности было передано лишь после того, как праздничный военный парад окончился и Красная площадь совсем опустела. Войска уходили (на фронт) в разных направлениях. Так, одна моя сокурсница (Ирена Книпст) уже в 9 часов утра видела колонны войск, прошедших через Каменный мост и идущих с парада (!) по Шаболовке по направлению на Запад, а другая (Аня Гроцкая) — на ул. Горького у Белорусского вокзала: они через Ленинградский проспект и Сокол шли на Волоколамское направление. Конечно, тот, кто был в это время на дежурстве в Университете, узнал о параде раньше других.

Довольно быстро по радио было получено сообщение не только о том, что состоялся парад, но и вся речь на нем нашего Вер-

ховного главнокомандующего — Сталина. Это было очень важно не только для нас, но и для всего мира.

Недавно, собираясь писать эти воспоминания, я спросила Ваву Сокову, не помнит ли она, когда точно по времени мы услышали об этом параде и увидели его, т.к. я это плохо помню. Она ответила, что, вероятно, уже вечером показали все по телевизору! Какой телевизор! Это же 1941 год! Их же тогда вообще не было! Вся зрительную информацию о войне мы получали только из одновременно снимаемой и быстро выходящей на экраны кинохроники, которая тогда показывалась перед каждым кинофильмом, а в кино мы все-таки успевали ходить.

И там-то мы и увидели этот парад! Этих наших крепких бойцов-сибиряков в новых белых полушубках с автоматами наперевес и в валенках, а также других — в белых мехшалатах (таких, как мы шли дома с мамой и Ксенией Зворыкиной) с лыжами на плечах. Все в шапках-ушанках. Мороз-то был хороший, за 30 градусов. И все они прямо с парада шли на фронт и сразу в бой!

Эти кадры врезались на всю жизнь, как и то, что у всех бойцов изю рта шел пар, а у Сталина, который делал доклад, стоя на Мавзоле, почему-то нет. И снега на шинели тоже не было. Это несоответствие оставалось для меня загадкой вплоть до последнего времени, когда, вероятно, был снят гриф секретности, и диктор нашего телевидения Игорь Кириллов рассказал о том, как все происходило тогда. В связи с принятыми чрезвычайными мерами безопасности о проведении парада было сообщено минимально необходимому числу людей. Для записи речи прямо в Мавзоле под трибунами было оборудовано никому не видное звукозаписывающее устройство. А вот для того, чтобы снять Сталина крупным планом, произносящего речь стоя на трибуне, требовалось очень сильное освещение, что могло быть замечено сверху. В целях предосторожности этого допустить было нельзя, да и пришлось бы вовлекать в подготовку лишних людей. Поэтому на Красной площади для кинохроники отсняли весь парад, проход войск и стоящие на трибуне под снегом правительство со Сталиным издали. А уже потом для съемки речи Сталина (с его согласия) был выстроен в студии макет мавзолея с трибуной и микрофоном, и он слово в слово без булавки повторил весь доклад. Вот через сколько времени разрешилось замеченное мною тогда несоответствие.

Несмотря на полученный глоток радости и гордости от того, что под носом у врага был проведен праздничный военный парад, а это давало нам надежду на то, что не так уж все безнадежно, — напряженные дни в Москве не ослабевали, бомбежки продолжались, и с 16 ноября немцы предприняли повторное наступление на Москву, но не в лоб, а вокруг нее.

Наконец мы услышали радостную весть, что наши войска в ночь с 5 на 6 декабря перешли в контрнаступление под Москвой.

По радио стали звучать обнадеживающие сводки о том, что наши войска каждый день освобождали один населенный пункт за другим. И мы с нетерпением каждый день ожидали сообщения по радио, которые после сигнальной мелодии Дунаевского "Широка страна моя родная" всегда начинались с одной и той же фразы Юрия Левитана: "От Советского Информбюро". Для людей, переживших Отечественную войну, эта фраза, несущая за собой в те годы либо горе, либо радость, звучит теперь просто кощунственно, когда с нее начинается реклама какого-то соуса.

И вот наступил день первой большой Победы — полного разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, о чем быстро было снят и вышел на экраны полнометражный фильм.

Однако строительство оборонительных сооружений вокруг Москвы продолжалось. Так, приказ ректора МГУ № 137 от 6 мая 1942 года гласит, что на основании решения СНК СССР следует "направить весь коллектив МГУ на трудовые работы по сооружению оборонительного рубежа под Москвой с 8 мая до 19 часов 10 мая 1942 г."

Когда я недавно посмотрела на число, первой мыслью было: 8 мая — это же праздник! Какой праздник?! Это 8—10 мая стало праздником "Днем Победы" уже после конца войны. А тогда только-только загнали врага за Можай(ск), продолжалась блокада Ленинграда, еще не было Сталинграда, битвы под Курском — еще ничего не было, кроме **Победы под Москвой!** И никто из нас не мог себе представить, что еще будет. Была только ВЕРА В НАШУ ПОБЕДУ. Было только яростное наступление врага.

А вот почему нужно было опять срочно строить оборонительные сооружения, стало нам известно только потом: оказывается, в это время разведка донесла, что немцы все же хотели предпринять второе наступление прямо на Москву. Но оно не состоялось.

25 января 1942 года в Москве было снято осадное положение, но комендантский час еще сохранялся, как и дежурства команд МПВО.

2 февраля 1942 года возобновились занятия в Университете, во всяком случае, на биологическом факультете (кстати, в других институтах Москвы они начались раньше). Число студентов стало гораздо меньше, т.к. часть уехала с Университетом в Ашхабад, кто-то эвакуировался с родителями. Кроме того, не всех студентов могли оповестить о начале занятий, поскольку после отъезда Университета многие устроились работать, а телефонов не было. Нас поздравил с победой и началом занятий наш любимый декан Сергей Дмитриевич Юдинцев. Начались относительно упорядоченные систематические занятия. Первой лекцией после перерыва была лекция профессора Сергея Ивановича Огнева по зоологии позвоночных. Ждл он во время войны в Университете на кафедре и, как я помню, там же принимал потом экзамены. Часть преподавателей

тоже уехала, поэтому практические занятия проводили неизвестные нам педагоги. Но уже к весне 1942 года кое-кто из них вернулся из эвакуации в Москву. У нас же остались дежурства в командах МПВО, дежурства в госпиталях и разгрузка барж с дровами для Москвы. В университете открылась столовая, где можно было получить жидкий, но все же горячий суп и съест его с принесенной из дома порцией хлеба.

В больших аудиториях Университета — Б.зоологической и Б.ботанической, а также в читальном зале было так холодно, что сидели в шубах. Мерзли руки. Трудно было непрерывно записывать лекции, т.к. ни авторучек, ни тем более шариковых ручек тогда еще не было. Писали тонкими ручками с обыкновенными перьями типа "копиручет" или "№ 86", макая их в зажатые в другой руке чернильницы-непроливайки с разведенными в воде сухими чернилами, которые очень долго высыхали. В небольших аудиториях для практических занятий было теплее и можно было сидеть без шуб.

Кстати, в это время в Москве появились химические грелки, которые представляли собой небольшие пакеты из плотной бежевой бумаги типа "крафт" размером с почтовый конверт, но квадратные, набитые каким-то угольным порошком и с окошечком, затянутым, как мне помнится, марлей. В это окошечко нужно было налить 1—2 столовых ложки воды, и через несколько минут начиналась какая-то экзотермическая реакция, дивящаяся несколько часов (2—4). Этот пакет можно было засунуть под пальто или шубу и иногда греть замерзшую руку. Куда они подевались? Почему о них забыли? Вот бы такие пакеты жителям замерзающих городов! А недавно по телевизору американцы демонстрировали маленькие, примерно в 2 чайных пакетика, химические грелочки, преподнеся их как новость!!!

После сдачи в мае—июне 1942 года шести экзаменов за II курс (сразу за оба семестра) и окончания очередной практики по зоологии позвоночных мы с 5 августа были мобилизованы по приказу ректора МГУ за № 215 от 30 июля 1942 г. (на основании распоряжения Исполкома Мосгорсовета № 866 от 29.06.42) на 3 месяца на заготовку дров для Москвы.

По прибытии по каналу Москва—Волга в Темповский леспромхоз Талдомского района Московской области мы получили спешдежду — легкие куртки или комбинезоны (по желанию) защитного цвета и теплые ватники, которые потом мы должны были сдать.

Поместили нас на сеновале над конюшней. Спали сначала повалку на сене, а потом, разобравшись, на взятых с собой мешках, как и в совхозе набитых сеном. Когда было очень холодно, прямо не раздеваясь.

На чердаке было одно слуховое окно без стекла, а посредине пола — квадратное отверстие, через которое обычно с сеновала

сбрасывали сено прямо в конюшню. Его надо было очень аккуратно обходить в темноте, чтобы не ухнуть вниз.

Работа была очень тяжелой. Мы должны были рубить лес, валить его, обручать сучья, расплывать и в таком виде — относительно короткие, метра по полтора-два бревна — на вагонетках везти к станции Вербилки на Канале Москва—Волга, где сбрасывать. Норма выработки была очень большой, если ее не выполнишь, получишь всего 300 г хлеба — на этих граммах ноги протянешь. При выполнении — 600 г, жить можно, а уж если переполнишь — вообще царская жизнь — 900 г. Но для этого нужно было безумно выложиться, привезя на канал и струсив вагонетку с 4,5 кубами дров, и не втроем, как обычно, а вдвоем! А вагонетка эта застревала на каждом стыке рельсов, проложивших нашими же студентами-юристами, такими же специалистами, как мы — лесорубы. Помимо хлеба давали только гороховую баланду.

От этой работы и тамошнего быта мы уставали, но нам надо было держаться несмотря ни на что, т.к. на нашей земле был ВРАГ! И если не мы — то КТО?

С наступлением двадцатых чисел октября и совсем плохой погоды — снег с дождем, когда мы уже жили в бараках, я заболела страшной, единственной за всю жизнь, ангиной, причем фолликулярной, с температурой около 40,5°C, без всяких лекарств, только с аспирином. Вот в таком полудохом состоянии, когда я не могла нести свой тощенький рюкзачок, но со справкой о проделанной работе, 6 ноября нас отпустили в Москву, где я проболела уже дома довольно долго.

И тем не менее, несмотря на дикую, чисто мужскую работу, очень слабое питание, которое мы пополняли тем, что ходили по окрестным деревням и меняли на картошку и лук какие-то наши домашние вещи, об этом времени осталось много хороших воспоминаний, в основном о дружбе. Вот тут и вспомнил Высоцкого: "...лария в горы тини... там поймешь, кто такой". Когда вдруг присланный с okazji из МГУ из дома мамин паек (по карточке на сахарный талон 6 конфет "Василек" или "Ромашка") ты делишь на все зveno поровну, как и твой друг в следующий раз! А тут же в соседнем звете Ира 3. — индивидуалист, получавшая что-то большее, съедает все одна ночью под одеялом!!! Насколько же мы были богаче ее!!!

А впервые увидевшая тобой красоту осеннего леса! До войны мама возила нас на дачу летом, и осень в Москве во всей красе никогда не была видна, т.к. в сентябре и в школе, и потом в Университете уже начинались занятия. А тут золотая осень во всей красе! Черника, голубика (место было болотистое), позже на опушках — поле красной брусники! Да еще когда ты вечно голодный!

Интересно, что когда я, приехав в Москву, вошла в свой двор, то сразу невольно оценила все деревья с новой точки зрения:

вот это дерево надо подпиливать слева и валить направо, чтобы не задел провода, а другое, наоборот, подпиливать со стороны дома и валить налево, а то попадешь в рядом стоящий дом и разобьешь окна. Вот до чего меняется восприятие привычной с детства обстановки!!!

Вспоминаю все это и становится невероятно обидно, когда тебе в беседе или в отделе наград какая-нибудь молодая спокойная особа с официальными безразличными глазами заявляет, что 5—10 дней работы на строительстве оборонных рубежей — это не срок! И вообще, где ваша персональная справка? Вы же учились! Да, с 1-го сентября в Университете начались занятия, но тогда это не было главным делом — нас могли взять на любую, необходимую в данный момент работу прямо с лекций, отменив их, а иногда даже прервав (!), т.к. Москва была прифронтовым городом. И никто в то время не думал о справках, когда ВРАГ у ворот СТОЛИЦЫ! Был приказ ректора — послать 50 человек с факультета копать рвы, пришла твоя очередь и ты пошел! Так и хочется в ответ сказать: "А Вы попробуйте даже один день в туфельках, без перерыва поворачивать тяжелой лопатой с мокрой землей, да без рукавиц, когда ладони в крови, да когда над тобой летают вражеские самолеты и, между прочим, стреляют, а укрыться-то ведь нигде! А Вы — справка!" И ходишь после этого с комом в горле, как идешь, в архив МГУ, а там отвечают, что за 1941 год есть не все приказы, т.к. в то здание Университета, где был расположен архив, в августе 1941 г. попала бомба и часть архива вообще пропала (кстати, как и наши школьные аттестаты), а в тех, что есть, представлено только количество мобилизуемых, без фамилий!

Вот и считай, что ты столицу не защищала, а так — мирно и тихо, как и сейчас, училась с чистыми ладошками!!!

А дежурство в госпитале? Мы ходили туда в Тестовский поселок Краснопресненского района, работая после занятий санитарками, убирая и помогая в операционных, вынося судна от тяжело раненых, без денег, конечно, без справок, без трудовых книжек, которых у студентов вообще не было. Да кто с этим считался тогда — ведь лежали там в основном твои одноклассники, твои братья. А Вы — справка? (Правда, стипендия в это время — 140 руб. — нам платили регулярно).

И никто в этих учреждениях не понимает, что за весь период войны все студенты, жившие и учившиеся в Москве, не имели ни свободных вечеров, ни воскресений, ни студенческих каникул, а в летние перерывы между семестрами работали на трудовом фронте. Исключение составляли лишь студенты V курса, писавшие дипломные работы: стране нужны были молодые специалисты.

Лишь по ходатайству руководства нашего факультета, Совета ветеранов и ректора Московского Государственного Университета В.А.Саловниченко все мы, о ком я здесь написала, не покидавшие

Москву с самого начала войны и защищавшие ее, особенно в самый тяжелый период осадного положения города (с 22 июня 1941 г. по 25 января 1942 г.), в 1994 году были официально признаны "Участниками обороны Москвы в период Великой Отечественной войны". Те же из нас, кто все же сохранил выданные нам справки о работе на лесозаготовках, получили медали "За Доблестный Труд в Великой Отечественной войне" и соответственно удостоверение "Ветеран Великой Отечественной войны".

К сожалению, по необъяснимым бюрократическим причинам наши одноклассники, не сохранившие у себя справки или не получившие их, работавшие по мобилизации в те же сроки, но не на лесозаготовках, а в подсобном хозяйстве МГУ "Красновидово" и имеющие "Оборону Москвы" за такой же 6-месячный период тяжелой работы, да еще в более тяжелое и опасное время (1941—1942), такого удостоверения почему-то не удостоились.

А тогда, вернувшись в Москву, я еще очень долго приходила в себя после тяжелейшей ангины. Продолжались дежурства в ПВО МГУ. И вот однажды, во вдруг выданный свободный от дежурств день мы все вместе пошли в МХАТ на спектакль "Три сестры" с Тарасовой, Степановой, Гошейвой, Хмелевым и Болдуманом в роли Вершинина. Помню, что сидели мы в ложе бенуар справа. Впечатление было ошеломляющим! После него я так и не смогла смотреть этот спектакль в других театрах, даже у Товстоногова. И тем не менее, после реплик Ирины Гошейвой "В Москву, на работу!" у меня незвольно проскользнула мысль: "на лесозаготовки бы тебя, матушка" (вот ведь как они достались!). Но это не испортило чарующее впечатление от этого спектакля на всю жизнь.

Уже позже, когда обстановка стала более стабильной, несмотря на занятия и другие наши обязанности и дежурства, мы иногда умудрялись посещать театры и консерваторию, тем более, что биофак был расположен на ул. Герцена, недалеко от Консерватории. Тогда можно было, если не было тревоги, а они стали уже реже, идти в день не твоего дежурства, пойти во МХАТ или в Большой. Постояв в очереди (поочередно несколько часов, можно было на декаду взять билеты на 4 спектакля. Это на нашу-то студенческую стипендию (140—160 руб.). Иногда мы брали просто входные билеты и сидели на ступеньках, а если повезет, то и в партере! "Дни Турбинных", "Пиквикский клуб"!!! С такими актерами!!! Андровская, Массальский, Прудкин, Янин и др.!

Вернувшись 7 ноября 1942 г. в Москву после трехмесячных лесозаготовок, мы, теперь уже студенты III курса, всего через несколько дней, едва прийдя в себя от тяжелой мужской работы, легкой на наши слабые девичьи плечи, прямо в спешкодежде защитного цвета заполнили аудиторию. Прошло только чуть более полугода, как закончилась победная битва за Москву, но настроение у вернувшихся было приподнятое, т.к. уже шло освобождение на-

ших городов и поселков, хотя Ленинград еще оставался в блокаде, и шли тяжелые бои за Сталинград. В Москве же был комендантский час, окна зашторивались на ночь светомаскировкой и по вечерам поднимались аэролаты заграждения. Но занятия студентов на всех кафедрах биохимии пошли полным ходом.

Распределение по кафедрам обычно начиналось с III курса и чтение общего курса физиологии, ради которой я пришла на биофак, тоже, а без этого на кружок физиологии младшие студенты не принимались. С 1-го сентября 1941 г. была введена ускоренная программа обучения, по которой уже студентам II курса стали читать общий курс физиологии. Вел его профессор Иосиф Львович Кан. Это было очень интересно, и я перестала жалеть, что не ушла на биофак. Однако вскоре Университет был эвакуирован, занятия прекратились и возобновились лишь в феврале 1942 г., но за три месяца занятий по программе второго курса нам с нашими военными "нагрузками" было не до физиологии, которую опять перенесли на третий курс. В мае и июне были экзамены, а потом опять на трудовой фронт.

А в это время на кафедре физиологии животных (после смерти в эвакуации весной 1942 г. заведующего кафедрой проф. И.Л. Кана) появился новый заведующий, бывший до этого же профессором кафедры и занимавшийся спецкурсом по сравнительной физиологии, — тогда член-корр. АН СССР и академик Армянской ССР — Хачатур Сергеевич Коштойнц.

С первых же дней начались долгожданные мной лекции по общему курсу физиологии животных. Их читал профессор Х.С. Коштойнц. Эти лекции были очень интересными, серьезными, чаще эмоциональными, иногда "по необходимости", когда материал не интересовал его самого. Они были с богатейшим сравнительным материалом о протекании тех или иных физиологических функций у животных, стоящих на различных ступенях эволюционного развития. Весь материал рассматривался, как правило, с точки зрения биохимических изменений физиологических процессов, поэтому не случайно в то время считали Коштойнца биохимиком среди физиологов и физиологом среди биохимиков.

Понимая всю важность биохимического аспекта, эти лекции лично для меня (и не только) были, однако, очень трудными и сложными, т.к. в отличие от математического и физического мышления, присущего мне и развитого в школе, химического мышление у меня не было развито. Курс же биохимии животных, который обычно читался параллельно с физиологией, в тот 1942/1943 учебный год в связи с войной был сокращен и вел его проф. С.Е. Северин всего один семестр (второй). Да и практические занятия, которыми с нами занималась Нина Павловна Мешкова, совсем отстали и были также редуцированы до 1,5 мес. и проводились вообще вместо летней практики.

Поэтому всю глубину и широту лекций Х.С. Коштойнца — автора книг по истории физиологии в России и "Курса сравнительной физиологии" — я оценила лишь потом, когда, уже став экзаменом по физиологии и биохимии животных, прослушала еще в течение 2—3 лет ряд лекций Хачатур Сергеевича, приходя на них как помощник демонстрационного ассистента В.А. Шидловского, молодого человека, всего на 5—6 лет старше нас, поражающего себя своей эрудицией, особенно в области знания различных классических методик, которые он черпал из различных руководств, включая иностранные толмуды. Это было созвучно моим техническим склонностям, и поэтому я часто помогала ему при демонстрационных опытах на лекциях Х.С. Коштойнца, иногда замещая его. Даже уже окончив Университет и работая в другом месте, не будучи в штате кафедры, не получая, конечно, никакой зарплаты, я была не в силах расстаться с родной кафедрой. Мне очень нравился этот рискованный демонстрационный процесс, когда нужно было точно и в срок по ходу лекции Хачатур Сергеевича выдать на аудиторию определенный ожидаемый результат! А это было не всегда легко.

И что интересно, именно после этих лекций Х.С. Коштойнца, мне вдруг, уже потом, захотелось пойти и послушать лекции Л.А. Зенкевича и с новых сравнительно-физиологических позиций посмотреть на зоологию беспозвоночных, которые на первом курсе меня совсем не интересовали! То же самое у меня было и с другими предметами, например с геологией, которую я на первом курсе в буквальном смысле "проспала", т.к. они начинались всегда в 9 часов утра, что для меня — "сова" — было просто невыносимо. Только помню голос проф. Костюкевича из темноты на фоне многочисленных диалогизмов: аллювий, элювий, делювий, пролювий! Прочитав же для сдачи экзамена толстенную книгу по геологии Ога, я вдруг поняла, как это интересно и что я к геологии должна еще вернуться. Так было даже с политэкономией, зачет по которой нам помог сдать в это трудное военное время наш милый зауч — Василий Александрович Раков, давший нам "выжимку" проблем и ответов на двух машинописных страницах. Вот только ботаника меня все равно никак не затронула. А вот прослушать курс или ряд лекций на новом факультете фундаментальной медицины я и сейчас бы хотела!

Уже в конце ноября — начале декабря 1942 г. на кафедре был организован студенческий физиологический кружок им. И.П. Павлова. Студентов физиологов было мало — 7 человек IV курса (V курс досрочно по военной программе был выпущен весной 1942 г.) и нас 6 человек III курса: Тамара Елдохина (потом Пунтинева), Надя Зайко, Ирена Кинипт, Туся Королькова, Марина Чепелюгина и я — Нина Ястребова. Председателем кружка был проф. Х.С. Коштойнц, секретарем Т. Елдохина.

Состав кафедры был тогда немногочисленным. Кроме заведующего кафедрой были еще профессор Григорий Христофорович Кекчев, читавший спецкурс по физиологии органов чувств, а иногда и общий курс физиологии, а также вновь избранный профессор Петр Кузьмич Анохин, который вел два спецкурса — по нервно-мышечной физиологии для IV курса и физиологии центральной нервной системы (для будущего V курса). Кроме того, был ассистент Вячеслав Александрович Шидловский, занимавшийся с IV курсом Большим практикумом по физиологии кровообращения и одновременно работавший демонстрационным ассистентом на лекциях профессора Х.С. Коштоянца для III курса. Малый практикум для физиологов вела аспирант кафедры Надежда Александровна Келерова.

Уже позднее вернулся с фронта доцент кафедры Михаил Георгиевич Удельнов и т.к. ему негде было жить, он ночевал на кафедре, поставив свою раскладушку в большой экранированной клетке-камере (потом он получил квартиру от МГУ). Следующему за нами курсу он читал лекции по физиологии кровообращения и вел дипломников, а потом уже и аспирантов.

Возвратился в Москву и уезжавший с Университетом в эвакуацию доцент кафедры Марк Викторович Кирзон с нашими однокурсницами-физиологами — Инной Келер-Степановой, Ольгой Кольс и примкнувшей к ним в Свердловске Клавой Ломазовой из Днепротровска. Уже позднее Михаил Георгиевич и Марк Викторович стали профессорами кафедры.

Наши профессора сразу же активно включились в составление будущих планов студенческого кружка, который посещали и сотрудники кафедры. Тогда же был составлен подробный план научных докладов студентов-кружковцев и сотрудников кафедры, а также план посещения различных лабораторий в научно-исследовательских институтах, оставшихся в Москве: Институте переливания крови, Институте нейрохирургии, руководимом академиком Н.Н. Бурденко, нервной клинике ВИЭМ и Институте психологии, в лаборатории органов чувств, которой руководил наш проф. Г.Х. Кекчев и т.д.

Первое заседание кружка состоялось 23 декабря 1942 г. и открылось докладом заведующего кафедрой профессора Хачатура Сергеевича Коштоянца на тему "Научное наследие И.П. Павлова и его значение в период Отечественной войны". У меня до сих пор сохранилась доска для объяснений заседания кружка в виде листа ватмана, оформленного художником — мамой нашей сокурсницы Марины Чепелюгиной, будущей дипломированной и аспирантки Петра Кузьмича, с портретом Павлова и с собакой, стоящей в Павловском станке с фистулой слюнной железы. Сохранился и дневник заседаний кружка за 1942/1943 г. Эти реликвии в настоящее время хранятся в квартире-музее академика П.К. Анохина. На втором

заседании, под самый Новый год — 30 декабря выступил приехавший в то время в Москву известный гистолог проф. Б.И. Лаврентьев с кинофильмом, демонстрирующим снятую им под микроскопом живую изолированную нервную клетку. На это заседание пришли и все сотрудники кафедры гистологии. Помню Л.Б. Левинсона, Е.С. Кирпичникову, наших сокурсников — Ано Гроускую и Веру Мурынову.

Тематика научной работы на кафедре с началом войны изменилась, также отражая запросы военного времени. Так, по заданию Военно-санитарного управления Красной Армии под руководством Х.С. Коштоянца сотрудниками кафедры, а потом и нами, студентами, проводилось экспериментальное и теоретическое изучение биохимической природы травматического шока, который очень часто наступал у тяжелораненых, что мы и сами наблюдали, дежуря в госпиталях. Также экспериментально исследовалась роль фенимина как стимулятора нервного возбуждения, особенно необходимого для военных летчиков. Позднее результаты этих работ были доложены на конференции военных медиков в Доме ученых, и все участники работы, как сотрудники, так и студенты, имена которых были оглашены под аллилуйскими зала, получили благодарность Военно-санитарного Управления Красной Армии, а в газетах "Московский Университет" (1943), "Вечерняя Москва" (1944) и "Комсомольская правда" (1944) были опубликованы статьи, освещающие военно-патриотическую работу нашего студенческого кружка.

Они не остались незамеченными. Так, в ответ на публикацию в "Комсомольской Правде" (1944) о работе студентов по оборонной тематике, я получила письмо от одного из фронтовиков. Письмо было от нашего ровесника, как сейчас помню — Бориса Кузнецова — студента Ленинградского Политехнического института. Он и его товарищи-фронтовики благодарили нас за то, что мы в тылу не просто спокойно продолжаем учиться, когда они тут воюют, а помогаем своей работой им — фронтовикам. Он писал, что после войны он тоже продолжит занятия в институте и что в связи с этим их — фронтовиков — очень вдохновило только что вышедший на экраны кинофильм "В шесть часов вечера после войны" и просил меня написать мое впечатление об этом фильме. Мы все, включая Хачатура Сергеевича, поблагодарили его за письмо и были очень довольны таким откликом.

Интересно, что совсем недавно, в 2003 г., по радио "Свобода" я услышала, что в США успешно синтезирован и апробирован новый (!!!) стимулятор нервного возбуждения — фенимин! Это через 60-то лет после нас!

Несмотря на напряженность обстановки, в которой мы жили, мы старались находить любые поводы для ее малейшей разрядки. Так, в связи с продолжением этой военной тематики по фенимину

нам понадобились опыты на теплокровных животных. Хачатур Сергеевич где-то с трудом договорился, что из питомника нам дадут 3-х кроликов (время-то было военное, голодное). Поехали члены нашего кружка — моя однокурсница Марина Чепелюгина и более младшая Тамара Сузмер. Ехать нужно было далеко, куда-то за город. Когда они вернулись с кроликами, Хачатура Сергеевича на кафедре не было. В ожидании его мы начали придумывать кроликам имена, решили назвать их Холли, Эстер и Аза, т.к. холлин-эстераза, как фермент, фигурировала почти во всех наших работах.

А на кафедре у профессора Петра Кузьмича Анохина было свое направление исследований, также связанное с войной. Он вместе со студентами изучал возможность восстановления у раненых функций частично или полностью парализованных конечностей, а также пытался снять очень мучительные боли в культе раненых, перенесших ампутацию конечностей, так называемые "фантомные боли". Исследовал и вопросы физиологической природы сна, поскольку многие раненые и контуженные страдали от его отсутствия. Изучал он также пластичность нервной системы с ее способностью к компенсации нарушенных функций, чем продолжала заниматься наша однокурсница, его дипломница Марина Чепелюгина. Ее работа, переросшая затем в кандидатскую диссертацию, оказалась очень актуальной во время войны, когда появилась масса раненых с множественными ранениями различных органов и ампутациями конечностей, которым предстояло вновь продолжать жить и работать в новых для организма условиях. Кроме того, работая помимо кафедры в Институте нейрохирургии вместе с академиком Н.Н.Бурденко, Петр Кузьмич много оперировал как практический нейрохирург, иногда беря нас на свои блестящие операции. Проводил он их виртуозно, почти бескровно, уж нам-то, после дежурств в прифронтовых госпиталях и присутствия при различных операциях с кровью игноем, было с чем сравнивать!

Несмотря на все тяготы войны, атмосфера на кафедре была творчески-романтической. Ее создавали наши профессора, активно включая нас в свои проблемы, а мы отключались на это своим молодым энтузиазмом. При этом наши профессора хорошо дополняли друг друга. Эмоциональный, но академически сдержанный Хачатур Сергеевич, более раскрытый для нас и неформальный Петр Кузьмич (или "П.К."), вводивший нас не только в курс своих научных проблем, но и в свой разносторонний внутренний мир, очень остроумный Григорий Христофорович — "папа Кек", у которого для нас всегда была "сухая жюлетка". И у Хачатура Сергеевича, и у Петра Кузьмича лаборатории и семьи были эвакуированы, и всё свое свободное время они отдавали нам — молодежи. По их инициативе на заседания кружка приглашались ведущие физиологи и биохимики страны, которые в то время внезапно приезжали и уезжали, т.к. их лаборатории были эвакуированы,

а в Москве всегда были дела. Это были профессора Л.А.Орбели, Б.И.Лаврентьев, Я.О.Парнас, Д.Н.Насонов, В.Белизер, которые потом прочли нам даже небольшие факультативные курсы по 6-8 лекций, а также В.А.Энгельгардт, К.М.Быков, Е.М.Крепс, А.В.Княбков, А.М.Утевский, А.Д.Слатин, Г.П.Конрад и многие, многие другие. На их лекции, помимо кружковцев и сотрудников кафедры, приходило так много народа, что лекции уже переносились в большие аудитории биофака. Там собирались желающие с других кафедр нашего факультета, а иногда приходили и интересующиеся с других факультетов — химии и физики, поскольку в докладах этих крупных ученых затрагивались, как правило, общие проблемы, часто лежащие на стыке разных естественных наук. Позже, вспоминая эти годы, Хачатур Сергеевич скажет, что "это было золотое время нашей кафедры".

Работа кипела. Мы сразу с головой окупились в мир серьезных физиологических проблем, несмотря на то, что продолжали нести вахту в дружинах МПВО, находились через день на казарменном положении, разгужали баржи с дровами для Москвы, продолжали разбирать завалы в городе после бомбежек, а по вечерам дежурили в госпиталях.

По совету наших профессоров Х.С.Коштованца и П.К.Анохина мы начали ходить на заседания Общества физиологов, которое тогда не прекращало работать, так как они считали, что нам необходимо приобщаться к серьезному физиологическому миру, его проблемам и дискуссиям. И не прослушав еще общего курса, мы — физиологи-несмышленики — там часто почти ничего не понимали. Всегда спасал Петр Кузьмич. Будучи председателем общества, в свойственной ему четкой форме подводя итог, он простым русским языком, без всяких запутанных определений говорил, о чем рассказывал докладчик, о чем и по каким пунктам была дискуссия, что осталось неясным, какое можно сделать заключение и, обязательно, какие перспективы у этого исследования. И все становилось вдруг понятным, и мы уходили обрадованные, приобщенные к высоким проблемам, считая, что и мы уже что-то понимаем.

Часто обсуждение прошедшего заседания продолжалось уже на кафедре. Почти все, если не было очередного дежурства, долго работали по вечерам, засиживались так, чтобы только-только успеть домой до комендантского часа. Дом, по меткому выражению одной из наших мам, рассматривался нами только как "ночлежка", в которой было и холодно, и голодно. Вся Жизнь была сосредоточена на кафедре. Там был наш Дом, наш Научный Храм!

На этих вечерних встречах, когда мы с кусочком оставленного хлеба пили "ничто", заваренное в колбе вместо чая, помимо обсуждения чисто научных проблем и некоторых окончательных культурных вопросов, вводивших нас в реальную жизнь, Петр Кузьмич в кругу жадно внимающих ему студентов и молодых сотрудников

кафедры — В.А.Шидловского и Н.А.Келаревой — часто рассказывал нам о своей молодости, о работе журналистом в Царицыне во время гражданской войны, о встрече с Луначарским, определившим своим письмом к В.М.Бехтереву его жизнь, о работе в лаборатории И.П.Павлова, о своей дальнейшей самостоятельной деятельности в Горьком. Тут же мы узнавали о его интересах к вопросам философии и логики, о любви к музыке, поэзии; живописи, о творчески напряженной литературно-художественной жизни нашей страны в 20-е годы. Говорить он любил и умел! Все его рассказы были очень яркими и эмоциональными, поэтому вокруг него всегда создавалась некая лирико-романтическая аура, особенно если учесть, что нам было по 20 лет и, слушая его, мы сидели с восторженными глазами и открытыми ртами. А вокруг была война! В то время мы считали наших профессоров почти "старыми", т.к. Хачатур Сергеевич было уже 43 года, Петру Кузьмичу даже 45, а "папе Кеку" вообще около 50!!! Каким это сейчас кажется смешным.

Однако наши профессора умели и слушать. Они интересовались не только нашей научной жизнью, но, глядя на нас, сидящих на занятиях в ватниках и иногда в валенках (зима 1942—43 гг. была довольно холодной, и даже Хачатур Сергеевич, когда было за 30', тоже приходил в аккуратных светлых валеночках), расстраивались о наших дополнительных нагрузках, связанных с войной, о наших домашних условиях. Обсуждали и военное положение на фронтах.

В то время одновременно с занятиями в Университете и работала по ночам через двое суток экспедитором на станции переливания крови МОНИКИ. Моя задача состояла в подготовке и отправке на фронт взятой днем дозочки крови. Как правило, за кровью приезжали по ночам врач и медсестра или фельдшер. Пока я упаковывала кровь в контейнеры и оформляла накладные, они пили горячий чай и дожились спать, т.к. им предстояла опасная обратная дорога на самолете, часто через линию фронта. Особо горячая пора была весной и летом 1943 г. в связи с битвой на Курской дуге. Тогда я приходила на лекции прямо после бессонной ночи, что вызвало сочувствие у Петра Кузьмича, вспоминавшего свою студенческую молодость и работу грузчиком.

Уже позже Петр Кузьмич иногда встречал с нами победные салюты, которые начались в 1943 г. с освобождением Курска, Белгорода и Орла. Он любил слушать, как мы пели на кафедре по вечерам после занятий или кружка старые университетские песни — "Крамбамбули", "От зари до зари чуть загнут фонари...", военные песни, а также "Лучинушку" и "Черного ворона" и др. У нашей однокурсницы Нэди Зайко был хороший голос, а мы составляли хор. Петр Кузьмич обычно сидел и слушал, постукивая пальцами по столу характерным для него движением, как бы играя на

рояле, а иногда даже подпевал. Видя наши молодые и, несмотря ни на что, веселые лица, он отдыхал после тяжелого операционного дня и бесконечной картины раненых и страдающих людей, наполнявших госпиталь.

А Хачатур Сергеевич, будучи к тому времени уже чл.-корр. АН СССР, проявлял о нас, бедных голодных студентах, чисто отеческую заботу. Видя, как мы долго засиживались на кафедре, а на ужин у нас кроме "чая" с оставленным ма-а-леньким кусочком хлеба ничего не было, он иногда подсылал к нам пожившую лаборантку нашей кафедры Серафиму Васильевну с небольшой кастрюлькой горячей вареной картошки, которую она обычно приносила в нашу 143 комнату и ставила на стол со словами: "Это вам, девочки, Хачатур Сергеевич прислал!" Картошку мы тут же с удовольствием съедали с солью и, конечно, б/ж! А иногда он просто как бы незначитель подкармливал нас бутербродиками, причем делал это как-то между прочим, очень деликатно, так что мы осознавали это только потом. Так, например, он просил тебя зайти к нему за новой работой, которую он вычитал в каком-нибудь журнале и привнес для тебя, а когда ты приходил в кабинет, он, извиняясь, говорил, что очень спешит в Академию и чтобы не тратить времени, просит разрешения выпить чай в твоём присутствии, и тем самым приглашал разделить его завтрак. Было и такое.

В то же время Хачатур Сергеевич был очень строг и требователен. Тусе Корольковой он дал однажды для доклада на кружке статью на французском языке. Когда она робко заметила, что не знает французского, он на нее молча так посмотрел, что ей хватило этого на всю жизнь. А Тамаре Евдохиной в аналогичной ситуации он ответил: "Если бы я был в вашем возрасте, то я и с китайского перевел бы!" Она тоже это не забывает.

Вот так, по образному выражению Александра Грина происходила "отделка шенка под капитана"!!!

До сих пор не можем забыть один удивительный случай, который произошел в голодную зиму 1942 года. Как-то днем, возвращаясь домой из Университета после очередного дежурства по одному из арбатовских переулков — Сившеву Вражку, мы со своей однокурсницей Тамарой Евдохиной (ныне Путинцевой) шли мимо большого 12-этажного дома рядом с Институтом имени Тарасевича. Вдруг перед нами упал какой-то сверток, завернутый в газету. Бомб с тротилом тогда не было, поэтому мы сразу же на месте развернули его. К нашему удивлению мы нашли там большую жирную селедку! Подняв кверху головы, мы увидели, хотя уже смеркалось, несколько ворон, круживших где-то у верхних этажей дома. Это они, вероятно, покусались на сверток, висевший за окном — холодулькиков ведь тогда не было, — но не удержали его и уронили. Первой нашей мыслью было, конечно, вернуть селедку хозяйку, т.к. кто-то получил ее по карточкам и хотел для себя ее со-

хранить. Но где найти его в многоэтажном многоквартирном доме? Не будешь же ты стучаться с вопросом в каждую квартиру, выходящую окнами в переулок, тем более что все квартиры тогда были коммунальными и что есть у соседа, никто, конечно, не знал. И тогда нам ничего не оставалось, как взять эту сеledку и дома с горячей картошкой без жиров съесть ее, жалая хозяйев. Ох, и вкусная же она была! До сих пор помним!

Вспоминается и наш зачет по органической химии, который был 30 или 31 декабря накануне нового 1943 года. В холодной аудитории, после того как была подписана последняя зачетка, наш довольно молодой преподаватель (фамилию не помню), выпрямившись и потирая замерзшие руки, вдруг размечтался о том, что вот сейчас бы быстро доехать до дома, где тепло и елка, а на ней висят подвешенные за хвостики по полсосиски и конфетки "Василек" или "Ромашки" (их тогда давали по карточкам на сахарные талоны)! Вот такие в то время были новогодние мечты!!!

Во втором полугодии нашего третьего курса, а именно 3 марта 1943 г., что почти совпадало с радостным сообщением о победе в феврале наших войск под Сталинградом, начались лекции Петра Кузьмича по нервно-мышечной физиологии для студентов IV курса. И хотя нам — третькурсникам — не читали еще этот раздел в общем курсе физиологии, мы все присоединились к этой группе, правда, сомневаясь, будет ли все понятно. Но лекции были такими четкими, логичными и ясными, что все сомнения уже после первых лекций отпали, и мы — студенты биофака, избалованные на первых двух курсах уникальной университетской профессурой, приняли их безоговорочно.

Через год Петр Кузьмич читал этот спецкурс уже нашей группе, к которой прибавилось несколько человек, вернувшихся из эвакуации (Ольга Колье, Инна Келер-Степанова, Клава Ломазова и др.). Теперь уже к нам на лекции приходили студенты-физиологи младших курсов — Кира Шулейкина, Татьяна Наумова, Дина Дауз (Попова), Валя Думенко и др. Приходили и друзья гистологи — Аня Гродская и Вера Мурьянова. А мы опять ходили к старшим, уже на V курс, слушать их новый курс по физиологии ЦНС и ВНД, чтобы на следующий год прослушать его еще раз, когда он будет читать уже для нас. Таким образом, почти все из нас физиологов — выпускников 1945—1947 гг. — прослушали оба эти спецкурса Петра Кузьмича по 2 раза.

Кроме того, к нам приезжали и бывшие студенты-физиологи, которые не слушали его лекций в связи с ускоренным их выпуском на год раньше (Я.Славущий, В.Майорчик, Е.Громова и другие научные сотрудники).

Четкость и ясность лекций П.К.Анохина, которые были одновременно академичными и уникальными, определялась тем, что, как правило, каждый вопрос он предявлял кратким анализом

предшествовавших научных положений, что помогало нам понять то новое, которое он умел вносить в любую проблему. Петр Кузьмич четко определял дискуссионные вопросы и вопросы, нуждающиеся в последующем разрешении. Лекции он всегда сопровождал рисунками на доске, как и Лев Александрович Зенкевич, а основные положения, которые мы должны были усвоить, он просто диктовал, причем не заглядывая ни в какие записи.

Способность к строгому анализу и интеграции привела П.К.Анохина шаг за шагом к созданию еще в 1935 г. универсальной способа жизнедеятельности организма — концепции функциональных систем с обратной связью, так называемой "обратной афферентации", что было гораздо раньше открытия Н.Виннером в 1948 г. принципа обратной связи в кибернетике, с чем он позже согласился после личного общения с Петром Кузьмичем.

Несмотря на различия научных интересов и направлений исследований, наши профессора обладали одним общим качеством — они всегда стояли на эволюционных позициях и в своих лекциях рассматривали организм как целое и только в единстве с внешним миром, когда реакции на внешние воздействия, будь то в биохимическом аспекте, как у Х.С.Коштоянца, или в поведенческом, как у П.К.Анохина, рассматривались с точки зрения их приспособительного значения. Поэтому они часто обращались к работам Ч.Дарвина, А.Н.Северцова, В.И.Вернадского, И.М.Сеченова, И.П.Павлова, И.И.Шмальгаузена.

Вообще же, наши профессора, увлеченно говоря о каких-либо интересных их научных проблемах и открывавшихся перспективах, создавали вокруг себя такую мощную ауру, в которую мы все попадали и просто-таки вдохновенно купались в ней. А они от нашей общей реакции получали не менее положительную "обратную афферентацию".

После лекций наших профессоров и тесного неформального общения с ними по вечерам на кафедре нам было очень трудно сдавать им необходимые экзамены. Ведь это была не обычная формальность, а испытание тебя, твоих настоящих и будущих возможностей, чтобы не дать повода к появлению "рассогласования" с их представлением о тебе! А это нам было очень дорого! И, несмотря на то, что мы все же успевали иногда бывать в театре и консерватории, это было самым Главным в нашей жизни, ограниченной войной.

Кажется, мы оправдали доверие, т.к. Петр Кузьмич однажды сказал про нас, что мы — "штучное производство".

А тогда, весной 1943 г., когда стало уже тепло и мы сняли свои шубы, ватники и теплые кофты, представ перед нашими преподавателями в своих довоенных платьях и туфельках, они ахнули. Они думали, что эти обладательницы восторженных горящих глаз — полные девочки, а мы оказались шепочками, которым приш-

лось ушивать свою одежду. Так Тамара Евдохина помнит, что она весила всего 42 кг при росте 164 см.

Весной же, до отъезда на очередной трудфронт, у нас появилась новая, уже домашняя, обязанность. С лета 1943, но и в 1944, и в 1945 гг., в помощь жителям Москвы стали давать земельные участки, где они могли разводить индивидуальные огороды, сажая там картошку, морковку и всякую зелень по желанию, причем учреждение, которое давало этот огородный участок, в какой-то степени помогало посадочным материалом. Помню, что в нашей семье участок первым получил от своего военного завода мой брат и находился он в Филях, где теперь станция метро "Филевский парк". Огород был на несколько десятков человек, где каждый мог иметь свой индивидуальный участочек, который он должен был вскопать, за ним ухаживать и поливать и потом получать урожай. Это было большое подспорье, хотя обрабатывать целину вручную для ослабленных людей было очень трудно. И что было характерно для того времени — весь коллективный участок не был ничем огорожен и на весь участок был только один сторож, который нас и не знал. И несмотря на то что время было очень голодное, не было никакого воровства! И даже больше того — на следующий год маме от школы дали участок для всех педагогов на станции Востряково по Киевской железной дороге. Он располагался прямо на поляне в лесу совсем недалеко от железнодорожного полотна. Он тоже был неогороженным, там вообще сторожа не было, но и воровства не было! Вот каким был тогда наш народ! Я, как еще живой свидетель, это хорошо помню!

Все то, о чем читал нам Петр Кузьмич, особенно на лекциях по высшей нервной деятельности, и рассказывал на кружке, так соответствовало моим интересам, с которыми я поступала на био-фак и именно на эту кафедру, что я решила делать дипломную работу под его руководством. Это же был выбор моего будущего. Узнав об этом, Петр Кузьмич ответил, что возьмет меня, "своего киномеханика", с удовольствием, но мне самой нужно узнать реакцию Хачатура Сергеевича, который очень ревниво относился к нашим общением с другими преподавателями и, особенно, с Петром Кузьмичом. Кроме того, Анохин знал, что Хачатур Сергеевич собирался оставить меня на кафедре после окончания Университета. Я все же сказала о своем желании Хачатуру Сергеевичу, к которому мы все прекрасно относились и у которого я еще до прихода Петра Кузьмича работала по военной тематике, носящей клинический характер. Хачатур Сергеевич, как мне казалось, меня понял и не возражал. Однако он сказал, что не очень хорошо, когда молодой человек, только входящий в науку, бросает, не окончив, свою первую научную работу. И предложил мне для ее завершения проделать еще серию действительно ранее намеченных опытов с соответствующими контролями. И вышло так, что, подбрасывая

мне все новые необходимые задания и литературу, он плавно перевел мою студенческую научную работу в дипломную. Так закончился мой первый несостоявшийся приход к Петру Кузьмичу.

Наше радостное систематическое неформальное общение с нашими профессорами и преподавателями на кафедре, оказавшее огромное влияние на формирование нашего научного мировоззрения и отношения к науке, закончилось вместе с окончанием наших занятий в Университете в мае 1945 г.

В эти майские дни происходила защита дипломных работ. 9 мая должна была защищать И.Книпст, а 10 мая — я. К 9 утра 9 мая я должна была дописать “обсуждение”, принести дипломную работу своему микрощефу В.А.Шидловскому, затем отдать машинистке, а вечером оппоненту. Однако, после объявления Юрием Левитаном по радио, которое тогда не выключали, **в 2 часа ночи с 8 на 9 мая о конце войны и нашей Победе**, люди высыпали на улицы, зажгли все окна, ранее закрытые маскировочными шторами, все пели, танцевали, обнимались, кричали “ура!” Я тоже выбежала на улицу, радуясь со всеми, но потом до 6 часов утра продолжала писать и в 9 часов была у В.А.Шидловского, а он ушел на Красную площадь. Понятно, что ни о какой защите не могло быть и речи, т.к. 9 мая был объявлен выходным днем. Утром 9 мая все ринулись в родной Университет (на закрытых дверях которого было написано, что все защиты переносятся на 12 мая), а оттуда на Красную площадь. **Что там было!!!** Такого поистине всенародного ликования людей, связанных в течение четырех лет одной общей мыслью о конце войны и нашей Победе и делавших для этого каждый на своем месте — на поле боя или в тылу — все возможное и даже невозможное, Красная площадь еще не видела! Совершенно незнакомые счастливые люди обнимались, целовались, качали военных, наших и союзников, плясали кто во что горазд — и русскую, и молдовеняску, и лезгинку, и гопак, вверх летели фуражки и пилотки... Такого святого для всех праздника, действительно “со слезами на глазах”, до тех пор да и после еще не было! А правительственные трибуны были пусты. Весь день! А люди надеялись! Вечером, конечно, был салют — самый мощный за всю войну.

Аня
Годская

Ковня
Звасыкина

Клава
Денисова

Надя
Коваленко

Ира
Нетте

Агроном
Мейбом

Тамара
Евдохина

Нина
Помошникова

Туся
Косолькова

Софа
Севастопольская

Ирена
Книпст

Нина
Ястребилова

Лева
Вейман

Юра
Захарьин

СПРАВКА

П Р И К А З *323*

по Московскому ордену Ленина Государственному
университету им. М.В. Ломоносова

14-го октября 1941г.

§ 1.

Все студенты первых трех курсов направляются
за спец. работы.

§ 2.

Выданные на руки эвакуационные справки должны
быть отданы в деканаты.

Проректор И.Г.У. *Г. У. Орлов* /проф. В.П.Орлов

Handwritten signature

Занятия прекратились, и отправили нас на строительство
оборонительных сооружений вокруг Москвы

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. Ломоносова

ШТАБ М. П. В. О.

СПРАВКА

Дана тов. Четме Ч. М.

в том, что он состоит в составе объектового формирования МПВО и несет суточное дежурство в наряде. Зачислению в группу самозащиты по месту жительства не подлежит, согласно положению о группах самозащиты (см. Положение от 2 июля 1941 года, утвержденное Начальником ГУ МПВО НКВД) и может быть привлечен к исполнению обязанностей по МПВО только по ВТ, в случае нахождения в это время дома.

Дана для представления в Домоуправление по месту жительства.

Начальник штаба МПВО объекта

149140

Такие справки выдавались всем дежурившим на крышах и чердаках зданий МГУ, чтобы их не мобилизовали бы еще и по линии домоуправлений, т.к. дежурства были не каждые сутки. (ВТ - воздушная тревога)

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СПРАВКА

Выдана настоящая тов. Дмитриеву Г. В.
в том, что она действительно работала в артели
"МОСУЛЬДОМСВОР" в качестве швеи -напоминщи
и уволена от работы с 31-го авг. 41г.
ввиду сокращения объема работ.

Дана для представления по нужности.

в. Шенг /и.и.хов/

Многие совмещали дежурства с работой

по Красноярскому судению Ломиина Г.И. под занком унии сикоту
г.м. И.И. Зокенесото ст 6 мая 1942 года

На основании решения Красноярского Райсовета
депутатов трудящихся и райкома ВКП(б) и по согласованию с
Управлением просвещения и комитета по делам высшего школы при
СНК СССР весь коллектив ИГУ направляется на трудовые работы
по сооружению оборонного рубака под Москвой с 17 часов
5 мая по 19 часов 10 мая.

В соответствии с этим приказываю:

§ 1.

Для общего руководства подготовительными мероприятиями
и организации работ на месте утверждаю штаб трудовых работ
в составе:

- Секретарь парткома ИГУ т. Волков В.И. /начальник/
- Ректор ИГУ т. Ураев С.И.
- Секретарь вузкома ВКП(б) т. Нестеров В.И.
- Начальник штаба ИГУ т. Миноран С.И.
- Зам. ректора по АМ т. Чербаков А.И.
- Председатель профкома ИГУ т. Турбинин Т.И.
- Председатель вузкомкома т. Бардылов А.З.

§ 2.

Для лучшей организации работ, разбить весь коллектив
на бригады по 20 человек а 18 часов 7 мая, выделить бригади-
ров и представить их список в штаб 7 мая к 18 часам.

§ 3.

Работы проводить по бригадам и по факультетам при
помощи широкого речерт влияния социалистического соревнования
между отдельными товарищами, бригадами и факультетами на
лучшую организацию всех подготовительной работы, организацию
сбора и стирания, организованность и дисциплинированность
коллектива, лучшую организацию труда, питания и отдыха, на хо-
рошую постановку политико-массовой работы, выпуск бюллетеней
и боевых листков на месте.

§ 4.

Утверждаю руководителями факультетов и центрального
аппарата ИГУ следующих товарищей:

1. Механико-математич.	т. Духинов Г.И.
2. Физический	т. Константинов В.А.
3. Авиационный	т. Костин А.В.
4. Биологический	т. Данилов С.И.
5. Географический	т. Королев А.И.
6. Геолого-нефтяной	т. Зирин А.Г.
7. Геолого-разведочный	т. Степанов С.И.
8. Исторический	т. Зильберг Д.И.
9. Зоологический	т. Металлов Я.И.
10. Сельскохозяйственный	т. Андреев Г.И.
11. Юридический	т. Кожевников С.И.
12. Центральный аппарат	тов. Литвинцев С.И.

П Р И К А З № 181
 = = = = =

по Московскому ордену Ленина Государственному университету
 им. М.В. Ломоносова от 20/VI-1942 года.

§ 1.

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17/IV-42г. "о порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТУ трудоспособного населения городов и сельских местностей" приказываю деканам:

1. Обеспечить участие студентов факультета во время летнего перерыва в сельскохозяйственных работах в следующем количестве:

Механико-математический ф-т	- 35	с I/VI по 30/VI
Физический факультет	- 20	" " "
Физический "	- 50	" " "
Геолого-почвен. "	- 10	" " "
Географический "	- 10	" " "
Юридический "	- 85	" " "
Исторический "	- 100	" " "
Философский "	- 15	" " "
Филологический "	- 180	" " "
Биологический "	- 50	с I/IX - 30/IX.

2. Декану геолого-разведочного факультета, географического и геолого-почвенного факультетов выделить по 4 человека студентов, проходящих производственную практику необходимого количество студентов для работы в колхозном хозяйстве МТУ.

3. Скомплектовать бригады по факультетам, выделив ответственных бригадиров, фамилии которых сообщить в учебную часть ректората к 25/VI-42г.

4. Провести совместно с профкома и комсомольскими бюро раз'яснительную работу по бригадам.

5. Согласовать с нач. штаба МШВО МГУ тов. Киндлерманом персональные списки студентов, входящих в команды МШВО во время летнего перерыва.

6. Предложить студентам, работающим в учреждениях и предприятиях, не имеющих обособного значения заблаговременно согласовать с руководством своего учреждения вопрос об участии в сельскохозяйственных работах наряду со всеми прочими студентами.

Ректор
 Московского ордена Ленина
 Государственного университета
 им. М.В. Ломоносова

Профессор-доктор

Б. П. Орлов

/Б.П.ОРЛОВ/

Часть студентов биофака после сдачи зачетной сессии поехала на трудовые работы в университетское хозяйство «Красновидово»

по Московскому ордена Ленина Государственному университету,
и. к. В. Ломоносова
от 30-го июля 1942 г.

Распоряжением Исполнительного Комитета от Московского
Городского Совета депутатов трудящихся от 29/VI-42г.
№ 868, Московский орден Ленина Государственный универ-
ситет ии. Ломоносова обязан мобилизовать 1000 ч. на заго-
товку дров для г. Москвы на срок с 1 августа по 5 нояб-
ря с.г.

В связи с этим приказываю:

1. Объявить всем студентам I-II курсов, научно-педагогическому составу, учебно-наблюдательному и обслуживающему персоналу Факультета /института, музея и т.п./ о том, что они с 1 августа с.г. считаются мобилизованными на заготовку дров.
2. От мобилизации освободить: мужчин в возрасте свыше 55 лет, женщин в возрасте свыше 45 лет, женщин имеющих грудных детей или детей до 8 лет при отсутствии в семье др. членов/по справкам домоуправлений/ и профессоров, лиц, связанных с оборонной тайной /по заключению спец. отдела ун-та/, студентов-инвалидов, студентов-призывников, студентов IV курса, аспирантов III года обучения, студентов обучающихся в школе медсестер ун-та, рабочих и сотрудников отдела гл. лектора.
3. Для проведения мобилизации на Факультетах /в ин-тах, музеях/ создать комиссии в составе: завка Ф-та /директора ин-та, музея/, парторга, представителя комсомольской организации. Результаты работы комиссии доложить мне не позднее II ч. дня 1 августа с.г.
4. Предложить мобилизуемым студентам, работавшим на предприятиях и в учреждениях не позднее 1/VI-42г. освободиться от работы.
5. Всем мобилизованным не позднее 2 августа с.г. вручить под расписку повести и командировочные удостоверения.
6. День отправки мобилизованных на работу назначить 5-го августа, начальнику трудового батальона т. Варданову приказом по батальону установить час и место сбора мобилизованных.
7. Разрешить Штабу МПВО /г. Киллерман/ взамен уходящих по мобилизации на заготовку дров прикомандировать в центральные команды научных работников и сотрудников ун-та освобожденных от мобилизации, студентов IV курса, студентов-допризывников, а также студентов обучающихся в школе медсестер ун-та.
8. Приказ № 181 от 20/VI-42 г. о мобилизации студентов ун-та на с.х. работы отменить.

и.о. ректора МГУ

С.Д. Динцев
С.Д. Динцев.

Основная же часть студентов биофака поехала на лесозаготовки

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 021133

Настоящее удостоверение выдано гр. Королюковой Т. А., родившейся в 19 24 г., в том, что она обучалась на курсах медсестер завета Красного Креста и Красного Полуострова 265 ой ривб от промышленности при МТУ Красногорсклесхоза ЧМ. Фомк где прослушала все медицинские дисциплины и выполняла практические занятия, согласно учебному плану, утвержденному Наркомздравом СССР и Исполкомом Союза Обществ Красного Креста и Красного Полуострова СССР по согласованию с Санитарным Управлением Красной Армии.

При проверке теоретических знаний и практических навыков получила следующие оценки:

1. Организация санитарной службы Красной Армии
<u>Отлично</u>	5. Инфекционные болезни с уходом за больными
<u>Отлично</u>
2. Анатомия и физиология человека (норм. и патологическая)
<u>Отлично</u>	6. Краткие сведения о болезнях уха, горла и носа
<u>Отлично</u>
3. Основы общей и военной гигиены с истоложкой санитарной обработки
<u>Отлично</u>	7. Краткие сведения о главных болезнях
<u>Отлично</u>
4. Лекарствование с рецептурой и веществами латинской граммы
<u>Отлично</u>	8. Основы физиотерапии и массажа
<u>Отлично</u>
гр. <u>Королюкова Т. А.</u>	в <u>сентябре</u> месяце 19 <u>42</u> г. сдала выпускные экзамены по следующим предметам с оценкой:
9. По внутренним болезням с уходом за больными и пораженными БОВ и по рецептуре
<u>Отлично</u>	10. По хирургии с основами травматологии, уходу за ранеными и военно-полевой хирургии
<u>Отлично</u>
	11. По санитарии и организации медсанслужбы МПВО
<u>Отлично</u>

На основании Устава Союза Обществ Красного Креста и Красного Полуострова СССР, утвержденного СНК СССР 22/II—41 г., № 350 и Положения о курсах медицинских сестер завета Общества Красного Креста и Красного Полуострова СССР, утвержденного Исполкомом СОКК и КП по согласованию с Наркомздравом СССР и Санитарным Управлением Красной Армии, гр. Королюкова Т. А. присваивается звание медицинской сестры заветы с правом работы в военно-лечебных учреждениях в военное время.

М. П.

Начальник курсов медицинских сестер

Заведующий учебной частью курсов

гор. Воски

Восток
Здравоохранения
Назначение

21 сентября 19 42 г.

область Восковская

Основная часть студентов уехала на трудфронт, а Туся Королюкова в это время училась на курсах медсестер. После курсов ее оставили в медико-санитарной команде МГУ

1946 год

1946 год

Однако мы все еще продолжали ходить на демонстрации
вместе с кафедрой Университета.

В.А.Шидловский, Э.А.Кянджунцева, Н.Л.Ястребцова,
сотрудники кафедры физиологии животных В.П.Дуленко,
В.С.Зикс*

* Все фотоснимки, касающиеся лаборатории, сделаны Н.Л.Ястребцовой и Э.А.Кянджунцевой.

Один из первых сохранившихся приказов по МГУ*

П Р И К А З № 198

По Московскому ордену Ленина Государственному
Университету им. М. В. Ломоносова

1 июля 1941 г.

§ 1.

В целях установления полной ответственности за состояние
противовоздушной обороны, вызначаю, что начальниками МПВО
Ф-тов и их заместителями являются:

- 1) по Главному корпусу - Начальником **ВОЗВОЖСКИЙ П. В.**
заместитель **БУДЫЧИН П. Е.**
- 2) По биолог. ф-ту - Начальником **У. ИДИНОВ С. И.**
заместит. **Т. СОКОЛОВ М. А.**

§ 2.

На каждом факультете (объекте) из организованных групп
самозащиты отобрать в постоянный состав из близко находящихся
студентов и сотрудников в колич. не более 30-40 чел. и зачи-
слить приказом по факультету.

Уточненные списки по объектам представить в Штаб МПВО МГУ
вк 3/VI.

Здесь сформированную группу самозащиты обучить по програм-
ме Гр. Упр. МПВО НКВД СССР в течение двух недель, установив
сменами по 4 часа занятий.

Программы и указания получить в Штабе МПВО у тов. Манько.

§ 3.

Назначая помощников Начальников служб:

- 1) Связи и оповещения - Тордешский Я.
- 2) Охраны порядка и безопасности - тов. Огнев Д. М.
- 3) Медико-санитарной - тов. Кодев
- 4) Противопожарной - тов. Самарин.
- 5) Химический - тов. Клячко-Гурвич Л. Л.
- 6) Аварийно-восстановительной - тов. Русов И. П.
- 7) Светомаскировки - тов. Баранов Н. И.

§ 4.

Организовать самостоятельную службу МПВО связи и оповещения,
передать в ее распоряжение все средства связи и команду Управления
МПО.

Начальником службы связи и оповещения назначая тов. Исаева А

§ 5.

Назначая Начальником команд МПВО и их помощниками:

- 1) Команда управления - тов. Транковский Д. А.
пом. командира тов. Бабурина С. А.
- 2) Команда охраны порядка и безопасности т. Кагнер
пом. командира тов. Зенкович
- 3) Медико-санитарная команда тов. Кодев И. П.
пом. командира тов. Турова Л. Г.
- 4) Противопожарная команда тов. Самарин Д.
пом. командира тов. Чонор
- 5) Дегельзащитная команда тов. Клячко-Гурвич Л. Л.

§ 7.

Предложить Начальникам команд представить в Штаб МПВО,
назначенных командиров отделений на утверждение.

Начальник МПВО объекта
ректор

(проф. А. С. Бузган)

* Много приказов первых дней войны пропало при бомбежке Университета